

АЛЕКСАНДР
МЕЛЕХИН

ЧИНГИСХАН

ВЕРХОВНЫЙ ВЛАСТИТЕЛЬ
ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

«Если хочешь подчинить себе множество людей,
прежде всего стань властителем их душ;
люди никуда не денутся, если ты
покорил их души».

ЧИНГИСХАН

Подарочные издания. Всеобщая история

Александр Мелехин

**Чингисхан. Верховный
властитель Великой степи**

«ЭКСМО»

2022

УДК 929(517.3)
ББК 63.3(5)-8

Мелехин А. В.

Чингисхан. Верховный властитель Великой степи /
А. В. Мелехин — «Эксмо», 2022 — (Подарочные издания.
Всеобщая история)

ISBN 978-5-04-178946-6

Жизнеописание Чингисхана, его подвиги и свершения неизбежно ставят перед читателем вопрос: кем же был Чингисхан? Не лишенным талантов дикарем? Кровожадным правителем? Гением, опередившим свою эпоху? Из этой книги вы узнаете, каким человеком был Чингисхан, чего он жаждал и чего боялся, как стал непобедимым воином и мудрым правителем целой империи, которую лично собрал воедино во главе своего войска. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 929(517.3)
ББК 63.3(5)-8

ISBN 978-5-04-178946-6

© Мелехин А. В., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	12
Глава вторая	32
Глава третья	40
Глава четвертая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Мелехин Чингисхан. Верховный властитель Великой степи

**К 860-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЧИНГИСХАНА
(1162–1227)**

© Мелехин А.В., текст, 2022

© Мелехин А.В., фото, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Предисловие

Память о герое – его вторая жизнь.
Мутанабби¹

*Издавна, как осуществляется бег времени, последнее вырывает из
рук человека слова о прошлом.*
Рашид ад-дин²

Талант военного строителя и полководческий гений Великого Монгола уже давно общепризнанны. Но Чингисхан, как *выдающийся организатор, государственный деятель, законодатель, мудрый политик, гениальный дипломат*, вне монголоведческого сообщества до сих пор практически неизвестен. Восполнить этот пробел, показать масштабность и многогранность деятельности Чингисхана и должна эта книга.

Мы прекрасно осознаем, что «как бы ни были гениальны его способности, Чингисхан был сыном своего времени, сыном своего народа, поэтому его и надо рассматривать действующим в обстановке своего века и своей среды, а не переносить его в другие века и другие места земного шара»³.

Поэтому, прежде всего, мы попытались реконструировать условия материальной и социальной жизни общества монгольских кочевников XII–XIII вв., являвшиеся источником происхождения мировоззрения Чингисхана, и главное, воссоздать подлинную духовную атмосферу той эпохи, отразившую важнейшие черты мировоззрения нашего Героя и его соплеменников.

Это было крайне важно потому, что мировоззрение Чингисхана сформировало жизненные ценности, идеалы и принципы нашего Героя, определило религиозные убеждения, правовые и моральные нормы поведения, которыми он руководствовался по жизни, а все это взятое

¹ Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби (915–965) – прославленный арабский поэт X в. Цитируется по книге: Джувейни А. М. «История завоевателя мира». М., ООО «Издательский дом МАГИСТР-ПРЕСС», 2004. С. 5.

² Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 1. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 65.

³ Владимирцов Б. Я. «Чингисхан» // «Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов». М., ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 205.

вместе обусловило его жизненные цели, сформулированную им государственную идеологию и осуществленные Чингисханом в рамках этой идеологической доктрины деяния.

Через мировоззренческую систему Чингисхана, ставшую лейтмотивом, доминирующим началом жизнедеятельности нашего Героя, через его «деяния, поступки и приказы», «по отдельным сохранившимся до нас его изречениям и по общему характеру всех его установлений»⁴ на фоне наиболее значимых исторических событий эпохи Чингисхана (объединение всех монголоязычных народов, создание единого монгольского государства, продолжение объединения вокруг себя монгольских и тюркских кочевников, на основе идеи Пан-Номадизма, т. е. создания Империи кочевников) мы осуществили реконструкцию процесса формирования «идеологической основы царства Чингисхана и... идейной сущности его государственной теории»⁵, которым он «придавал не меньше значения, чем превосходству военных сил»⁶.

И наконец, основываясь на документальных свидетельствах современников Чингисхана и летописцев последующих столетий, а также на исторических рассказах, сказаниях, легендах, преданиях, которые передавались изустно, собирались, накапливались и сохранялись для грядущих поколений в памяти разных народов, мы подробно, документально подтвержденно повествуем о деяниях, осуществленных Чингисханом в рамках провозглашенной им государственной идеологии – монгольского тэнгэризма или доктрины «всемирного единодержавия».

* * *

Не ставя под сомнение любой другой путь исследования выбранной нами темы, в данной книге приоритет отдан *истории фактов, событий, происшествий эпохи Чингисхана и его собственной жизни*. Ибо «документы – это самые богатые жилы для добычи знания», а «...объемная история может быть восстановлена только тогда, когда историк сопоставит результаты как можно большего количества источников. Безупречный результат не будет никогда, но каждый отдельный угол зрения, каждый отдельный исследовательский прием и метод помогают лучше высветить части, которые все вместе составляют целое»⁷.

Исходя из этого, мы стремились, во-первых, сделать достоянием широкого круга читателей «без всяких изменений, переделок и вольностей» обширный материал о всех важнейших событиях жизни Чингисхана, дающий пищу для размышлений о времени и народе, его поразивших, о многогранной и цельной личности, могучих дарованиях нашего Героя, его мировоззрении, государственной идеологии и деяниях, и, наконец, о месте, занимаемом в истории человечества Чингисханом, который, по словам современников, «...имел важные замыслы серьезной глубины... чьи удивительные свершения – исключительны, их следы – многочисленны...»⁸ и, во-вторых, приблизить нас, людей XXI века, к живому Чингисхану, помочь изжить ходячие представления о нем как о «гениальном», но все же «дикаре» и создать у каждого читателя свое собственное представление о нашем Герое.

Цель, которую автор поставил перед собой, определила принципы отбора документального и исследовательского материала и способ его подачи.

Начнем с источников. Сразу отметим, что, если для специалистов, ученых-востоковедов монгольские, китайские, тюркские, персидские, русские, армянские, грузинские, западно-европейские источники, использованные в нашей документальном жизнеописании, не станут

⁴ Трубецкой Н. С. «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» // «Наследие Чингисхана». М., 1999. – режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/trubeckoy/trubeckoy_ns_vzglyad_na_chast_I/.

⁵ Там же.

⁶ Бира Ш. «Тэнгэризм». М., журнал «Век глобализации», № 1 2009. С. 152–154.

⁷ Дэвис Н. «История Европы». М., издательство «АСТ», Транзиткнига, 2004. С. 4.

⁸ «Юань ши» // Храпачевский Р. П. «Военная держава Чингисхана». М., ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ВЗОИ», 2004. С. 477.

откровением, то для абсолютного большинства читательской аудитории они малодоступны. Забегая вперед скажу, что в этой книге использованы практически все основные, признанные мировым монголоведением и, в частности, мировым чингисхановедением источники разных народов мира, в которых в той или иной мере повествуется об истории жизни Чингисхана.

При отборе документального материала автор руководствовался подсказанной Л. Н. Гумилевым в его книге «В поисках вымышленного царства» «панорамной методикой»⁹: с помощью созданного воображением ученого историоскопа, дающего различные степени приближения, собирались материалы, повествующие о зарождении и развитии монгольской нации и культуры, о славных прародителях нашего Героя, далее материалы, непосредственно связанные с его эпохой, с борьбой и войнами между различными племенами и союзами племен за господство в Степи, и, наконец, на этом фоне важнейшие факты и события жизни Чингисхана.

Вопрос выбора документального материала связан с проблемой достоверности используемых источников и почерпнутых из них сведений. Думается, читателю будет небезынтересно прочесть мнение по этому вопросу автора одного из важнейших источников по истории Монголии и истории Чингисхана «Сборника летописей» («Джами' ат-таварих»), крупнейшего летописца XIV века Рашид ад-дина¹⁰.

Итак, персидский летописец писал: «...*Летописи столь разных народов и длительных времен, безусловно, не могут быть (вполне) верными, и повествования, которые имеют в них место и будут иметь, не равноценны и не во всем согласны.*

Во всяком случае, каждый рассказывает так, как это последовательно, по традиции, дошло до него или он слышал это путем (тех или иных) известий.

Много было (и таких случаев), когда повествователь вводил в свое изложение, сообразно своему сердечному желанию, преувеличение или уменьшение...

И поскольку это так, (то) если историк думает, что он пишет нечто такое, что (уже) признано за истину и невыразимо (точно), то (в пользу этого) он совершенно не сможет привести ни одного повествования, (подтверждающего такое его предположение), ибо все то, на что он бы сослался, было бы, (самое большее), рассказом группы (каких-либо) великих людей, которые были очевидцами сего (факта), или основывалось бы на передаче от других, или (наконец) вычитано (им) из книг древних. А это при всех положениях, как упомянуто, есть источник разногласий.

Если же по этой причине (историки) перестанут писать и устно излагать (исторические сведения), думая: "не дай бог, чтобы люди критиковали их, и они бы им не понравились", – то во всяком разе все истории, известия и положения, (имеющие место в) мире, были бы заброшены, и все люди были бы лишены (приносимой ими) пользы...»¹¹

Интересен подход к проблеме достоверности источников и нашего соотечественника, писателя В. В. Вересаева (1867–1945), который, рассказывая о своей книге «Пушкин в жизни», писал: «Многие сведения, приводимые в книге, конечно, недостоверны и носят все признаки слухов и сплетен, легенды. Но ведь живой человек характерен не только подлинными событиями своей жизни, – он не менее характерен и теми легендами, которые вокруг него создаются, теми слухами и сплетнями, к которым он подает повод. Нет дыма без огня, и у каждого

⁹ Гумилев Л. Н. «В поисках вымышленного царства». СПб., «Абрис», 1994. С. 17–21.

¹⁰ Видный политический деятель монгольского государства иль-ханов, ставший крупнейшим персидским историком XIII–XIV веков, Рашид ад-дин (1247–1318) – автор фундаментального летописного свода «Сборника летописей» по истории монголов и основанных ими государств, а также по всемирной истории – истории мусульманских и немусульманских государств. Рашид ад-дин «...жил в эпоху процветания монгольского владычества, весьма близкую ко времени вступления монголов на историческую арену...; имел возможность заимствовать свои повествования чуть ли не из первых рук... Даже китайские летописи, столь богатые сведениями о народах и событиях Средней Азии, уступают первенство Рашид ад-дину...» («Сборник летописей. История монголов: сочинение Рашид ад-дина». СПб., 1868 // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 500).

¹¹ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 1. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 49.

огня свой дым... О Диккенсе будут рассказывать не то, что о Бодлере, и пушкинская легенда будет сильно разниться от толстовской»¹².

И подход к этой проблеме средневекового персидского летописца, знатока истории монголов и истории жизни Чингисхана, Рашид ад-дина и суждение создателя жанра документального романа в русской литературе В. В. Вересаева были чрезвычайно важны для автора настоящего жизнеописания Чингисхана при сборе документальных материалов. Именно поэтому среди источников нашего повествования, помимо летописей, исторических хроник, историко-литературных памятников, присутствуют фольклорные материалы (легенды, предания VIII–XIII вв.), записки иностранных путешественников, дипломатов, христианских миссионеров, побывавших в Великом Монгольском Улусе в эпоху Чингисхана и его ближайших потомков.

Использованные нами разнообразные источники объединяют главный Герой и Эпоха, о которых в них повествуется. Но эти произведения во многом и отличаются друг от друга.

Во-первых, конечно, отношением их авторов к Чингисхану и его деяниям.

Во-вторых, их авторами, помимо монголов, являются и представители народов, которых Чингисхан завоевал или с которыми монголы входили в сношение.

И, наконец, отличаются друг от друга национальные культуры народов, которые они представляют, эстетические цели, которые авторы ставили перед собой и которые определили стиль и жанр их трудов, использованные ими литературные средства их родного языка.

С одной стороны, это многоголосие, разноречие, стилистическое и жанровое смешение, характерные для нашего документального жизнеописания, несколько усложняют ее прочтение, с другой стороны, благодаря труду переводчиков сохраняют национальный колорит средневековых литератур и устного народного творчества, позволяют прочувствовать неповторимый дух той далекой эпохи.

Есть и еще одна трудность, с которой неминуемо столкнулись бы читатели. Дело в том, что авторы наших источников по-разному писали имена героев нашей документальной биографии, названия монгольских родов и племен и географические названия, а переводчики этих источников на русский язык по-разному транскрибировали их.

Причину этого объяснил выдающийся отечественный востоковед В. В. Бартольд (1869–1930) в предисловии к книге С. Лэн-Пула «Мусульманские династии»: «Транскрипция, одинаково точно передающая восточное правописание и произношение, немыслима, так как одни и те же буквы азбуки, принятой всеми восточными народами, у различных народов произносятся различно»¹³.

Для идентификации персонажей и мест, где происходили важнейшие события жизни нашего Героя, после соответствующего названия в скобках дается вариант написания имени того или иного героя или названия той или иной местности по каноническому оригиналу «Сокровенного сказания монголов»¹⁴, (когда таковые в нем имеются), подготовленному группой монгольских ученых под руководством доктора А. Цанжида¹⁵.

¹² Цитируется по книге: Гусляров Е., Карпухин О. «Лермонтов в жизни». Калининград, издательство «Янтарный сказ», 1998. С. 9.

¹³ Цитируется по книге «История монголов». М., АСТ, Транзиткнига, 2005. С. 6.

¹⁴ «Сокровенное сказание монголов» (1240 г.) является одним из столпов мировой культуры и словесности, единственный имеющийся в нашем распоряжении художественно-исторический памятник монголов первой половины XIII века. Временные рамки, в которые заключены события, отраженные в этом памятнике, составляют 500 лет: от середины VIII до середины XIII века. «Сокровенное сказание монголов» повествует о роде, из которого вышел Чингисхан... представляет собой цепь эпических сказаний, переработанных с заданием – целью сделаться заветным преданием дома Чингисхана, его «историей» (Владимирцов Б. Я. «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» // Владимирцов Б. Я. «Работы по истории и этнографии монгольских народов». М., ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 306).

¹⁵ «Монголын нууц товчоо» («Сокровенное сказание монголов») (на монг. яз.). У.—Б., 2004.

* * *

Неискушенного читателя на пути проникновения в тайну такого человеческого феномена, каким был Чингисхан, ждут различные трудности понимания незнакомого ему исторического, литературного, фольклорного, этнографического материала, относящегося к VIII–XIII векам.

И чтобы помочь читателю не только увидеть панорамную картину интересующей нас эпохи, ставшей полем битвы племен, народов, государств, поприщем для соперничества великих людей, среди которых Чингисхану было предопределено возвыситься над всеми, но и разобраться в разноречивом многоголосье эпохи, во всех перипетиях, которые испытал наш Герой на многотрудном, жизненном пути, в структуру книги введены многочисленные *«своеобразные островки на пути хронологического потока событий»*.

Это – комментарии, выводы, гипотезы ученых-востоковедов с мировым именем, которые своими авторитетными мнениями помогают понять читателю различные факты жизни Чингисхана или позицию того или иного средневекового летописца в отношении конкретных исторических событий, а зачастую, это – попытки восстановить недостающие звенья в хронологии жизни нашего Героя, выяснить, *«...что из сообщаемого автором – правда, что им опущено и как было на самом деле...»*¹⁶

Кроме того, автор документального жизнеописания Чингисхана, часто цитируя своих коллег, хотел таким образом познакомить читателя с исследованиями в области чингисхановедения наших современников, которые, восприняв *«правило и обычай мудрецов и ученых»* средневековья, изучают их летописи и сказания, *«чтобы посредством этого остались навсегда на страницах времени повествования о знаменитых государях и счастливых властителях, чтобы (вся история) от начала до конца стала известной и понятной как знатым людям, так и простонародью; чтобы достопримечательные положения и важнейшие происшествия и события, имевшие место во время возникновения монгольского государства, не исчезли и не изгладились (из памяти последующих поколений) по прошествии дней, месяцев и годов, чтобы они не стали скрытыми за завесой тайн»*¹⁷.

Среди востоковедов, с мнениями которых мне хотелось бы познакомить читателей, есть много и монгольских ученых. Следует признать, что современная монгольская Чингисиана российским читателям неизвестна. Впрочем, до начала 90-х годов прошлого века ее просто не существовало. Это, по меньшей мере, кажется странным. Кому, как не самим монголам, писать о своем великом предке.

Почти 70 лет по разным, в основном идеологическим причинам эта тема в самой Монголии была под запретом. И только в последние 30 лет в стране начался «бум» чингисхановедения: издаются летописи, монографии, романы, повести, создаются спектакли, кинофильмы о Чингисхане. В них в той или иной интерпретации нашли свое отражение многочисленные легенды, исторические предания, героические сказания монголов о своем великом предке.

Заметим, что исторические хроники, как правило, содержат *«нагие происшествия без соприкосновенных к ним обстоятельств»*. Монгольские ученые, как и их иностранные коллеги, *«входят в подробности событий»*, но в отличие от многих иностранных востоковедов, монгольские исследователи делают это в «монгольском духе», показывая Чингисхана *«сыном своего времени, сыном своего народа, действующим в обстановке своего века и своей среды»*.

Благодаря этому пропитанное «ароматом степи» документальное жизнеописание Чингисхана ломает стереотипные представления о Чингисхане: наш Герой предстает перед нами

¹⁶ Гумилев Л. Н. «В поисках вымышленного царства». СПб., «Абрис», 1994. С. 12.

¹⁷ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 1. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 65, 68.

как цельная личность с собственной жизненной философией, глубокой верой и озарением, с неподдельными человеческими чувствами.

Читатель узнает о том, как обычный человек по имени Тэмужин воспринимал и оценивал свое время, как формировалось его мировоззрение, как по воле Верховного божества монголов – Всевышнего Тэнгри, наделенный неиссякаемой энергией и харизмой, он не только уверовал в свою сверхъестественную судьбу, дарованную ему Небесным владыкой, но и смог убедить в этом других и повести их за собой как «посланец Всевышнего Тэнгри», исполнитель воли Верховного божества монголов.

Исходя из этого, ответы на вопросы, *что* вдохновляло монголов на столь обширные завоевания и *каковы* были глубинные причины их огромных успехов, для монгольского ученого Ш. Бира очевидны: *«Помимо всего прочего, необыкновенным успехам Чингисхана при создании обширной кочевой империи во многом способствовала его незыблемая вера в Небесную силу (Всевышнего Тэнгри. – А. М.) и в свою харизму.*

В этом плане он был основателем монгольского тэнгэризма как идеологии кочевой империи... о сверхъестественной Высшей силе, которая решает судьбы всего мира... и придавал ей не меньшие значения, чем превосходству военных сил»¹⁸.

Смею надеяться, что документальное жизнеописание Чингисхана поможет читателям, интересующимся историей его жизни и деяний, самим ответить на поставленные мною выше вопросы, а также понять роль в мировой истории ВЕЛИКОГО МОНГОЛА – ЧИНГИСХАНА, и, наконец, уразумев жизненные цели и «соединенные в стройную (идеологическую. – А. М.) систему высшие принципы и идеи» нашего Героя, избавиться «от совершенно неправильного представления о Чингисхане как о простом порабощителе, завоевателе и разрушителе, которое создалось в исторических учебниках и руководствах главным образом под влиянием одностороннего и тенденциозного отношения к нему современных ему летописцев, представителей разных завоеванных им оседлых государств. Нет, Чингисхан был носителем большой и положительной идеи, и в деятельности его стремление к созиданию и организации преобладало над стремлением к разрушению»¹⁹.

* * *

В заключение хочу поблагодарить мою семью, жену и дочерей, родных и близких, моих друзей, моих учителей, которые в той или иной мере, каждый по-своему помогали мне в работе над этой книгой!

А. Мелехин

¹⁸ Бира Ш. «Тэнгэризм». М., журнал «Век глобализации», № 1, 2009. С. 152–154.

¹⁹ Трубецкой Н. С. «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» // «Наследие Чингисхана». М., 1999. – режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/trubeckoy/trubeckoy_ns_vzglyad_na_chast_I/.

Глава первая Прародители

«...Кто они, и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры...»

Из «Тверской летописи»²⁰

Если обыкновенный человек не знает своего происхождения, он подобен обезьяне, заблудившейся в лесу.

Пятый далай-лама Агван Лубсан Джамцо²¹

На вопросы, которыми в свое время задавался не только автор Тверской летописи²², но и многие современники Чингисхана, особенно после того, как в XIII веке «монгольское море разлилось по лику старого континента»²³, мы будем отвечать на протяжении всего нашего повествования. А начнем его, как и полагается, с прародителей Чингисхана.

Как отметил выдающийся русский востоковед Н. Я. Бичурин (о. Иоакимф) (1777–1853)²⁴, «монголы в древних временах оставались бы неизвестными для нас, если бы не имели в соседстве Китая. Сия держава кратко заметила в своей истории некоторые события их, имевшие связь с собственными ее происшествиями»²⁵.

Действительно, помимо легендарной генеалогии монголов, о которой речь пойдет ниже, многие сведения о происхождении монголов, их предках, об их государственно-правовых традициях сохранились и в китайских династийных хрониках²⁶.

Основываясь на китайских источниках, Н. Я. Бичурин в своем кратком историческом обозрении еще в 1828 году поведал о государственных образованиях кочевых монголоязычных и тюркских народов, существовавших на территории Монголии²⁷, и пришел к следующим

²⁰ «Памятники литературы Древней Руси. XIII век». М., издательство «Художественная литература», 1981. С. 149.

²¹ Эпиграфом первой главы нашего документального жизнеописания Чингисхана является цитата из сочинения пятого далай-ламы Агван Лубсан Джамцо (1617–1682 г. г.) «Пир молодежи».

²² «Памятники литературы Древней Руси. XIII век». М., издательство «Художественная литература», 1981. С. 149.

²³ Гримум-Гржимайло Г. Е. «Западная Монголия и Урянхайский край», Т. 2. Л., 1926. С. 379.

²⁴ При жизни Н. Я. Бичуриным было опубликовано 14 книг и огромное количество статей и научных заметок, посвященных различным проблемам истории, географии и культуры народов Восточной и Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Особенно значителен его вклад в изучение Китая и Монголии (Бичурин Н. Я. «Записки о Монголии». Самара, издательский дом «Агни», 2010. С. 5).

²⁵ Бичурин Н. Я. «Записки о Монголии». Самара, издательский дом «Агни», 2010. С. 182.

²⁶ Упоминания о раннефеодальных государствах кочевых монголоязычных народов, существовавших на территории Монголии, содержатся в «Исторических записках» («Ши Цзи») Сыма Цяня, а также в «Вэй шу» («История царства Вэй» (охватывает события 386–535 гг.), раздел «История Шивэй»), «Цзю Тан шу» («История Старого Танского царства» (составлена в 945 году), раздел «Жизнеописание северных Ди»), «Сан Гочжи» («Исторические заметки о Трехцарствии», раздел «История Ухуань и Сяньби»), «Синь Тан шу» («История нового царства Тан» (составлена в 1045–1060 гг.)), других китайских династийных хрониках, а также в надписях на каменных стелах, которые входят в погребальные комплексы тюркских ханов и их высокородных соратников: «Надпись в честь Тоньюкука» – режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Tonjukuk/frametext1.htm>; «Малая надпись в честь Кюль-Тегина» – режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Kul_tegin/kleine_aufschrift.phml?id=8098. Информацию по этому вопросу также можно почерпнуть из следующих изданий: «Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху». М., Наука, 1984. – режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/TV/38400/Vejsu/frametext11.htm>; Бичурин Н. Я. «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». М.—Л., АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая, Ч. 1, 1950. – режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/Tom_I/frametext72.htm; «История Железной империи» (История династии Ляо). – режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/X/Liao_si_P/frametext1.htm.

²⁷ Государственными образованиями, существовавшими на территории Монголии до эпохи Чингисхана, были улусы – Хунну (209 г. до н. э. – 93 г. н. э.), Сяньби (156–235 гг. н. э.), Муюн (285–410 гг. н. э.), Тоба (313–581 гг. н. э.), Жужан

выводам о «*начале монгольского народа*» и зарождении его государственности: «Более чем за двадцать пять веков до нашей эры скитался уже народ сей (монгольские племена. – А. М.) со своими стадами по пустыням, сопредельным Северному Китаю...

...При великих военных переворотах часто многочисленные поколения (монголов. – А. М.) переходили с юга на север или с севера на юг, с пределов восточных на край западный и там навсегда оставались... Вся история народа монгольского свидетельствует, что переходы его поколений из одного края в другой происходили от раздела земель при каждом важном перевороте в сей стране, но ни при одном происшествии (она) не говорит, чтобы вошел в Монголию другой народ, отличный от коренного и по происхождению, и по языку, – (и в этом) неоспоримое доказательство единства монгольского народа и в самой древности...

Монголам известен один только образ правления – удельный. Они разделяются на поколения или уделы, называемые аймаками. Целое государство или народ получает у них название от имени господствующего дома, а каждый аймак – от владетельного поколения. С падением владетельных домов народ их не теряет своего бытия, но с переменою оных получает только новое название.

Сим образом один и тот же монгольский народ существует от древнейших времен до ныне под разными только именами. До времен государя Яо китайцы называли его хуньюй, при династии Ся – сяньюн, при династии Инь – гуй-фан, при династии Чжеу – яньюн, при династиях Цинь и Хань – хунну и гунну. Потом он носил попеременно имена сяньби, жужу (жужан), кидань, татань, монгол...»²⁸

(Монгол-Нирунское государство) (330–555 гг.), Первый и Второй тюркские каганаты (552–745 гг.), Уйгурский каганат (745–840 гг.), Киргизское ханство (818 – около 900 гг.) и, наконец, киданьская империя Ляо (916–1125 гг.).

²⁸ Бичурин Н. Я. «Записки о Монголии». Самара, издательский дом «Агни», 2010. С. 136, 181–182. Свидетельством того, что монголы, в частности, Чингисхан считали себя потомками хунну (гунов), развивавшими их государственно-правовые традиции, являются слова из письма (1219 г.) Чингисхана даосскому монаху Чань Чуню: «*Такого царства (как Великий Монгольский Улус. – А. М.) еще не было с давних времен наших шаньюев (со времен наших предков, императоров империи Хунну, которые назывались шаньюй, то есть, "сын Небесного владыки". – А. М.)*» («Арабески истории», кн. 2. (Мир Льва Гумилева). Пустыня Тартары. М., издательство «Ди-Дик», 1995). Из выводов Н. Я. Бичурина также следует, что потомки хунну (гуннов), которые вплоть до VI века упоминаются в китайских династийных хрониках под различными именами господствовавших домов – Сяньби (156–235 гг. н. э.), Муюн (285–410 гг. н. э.), Тоба (313–581 гг. н. э.), Жужан (Нирун) (330–555 гг.), также являются древними предками монголов.

Н. Я. Бичурин (о. Иоакимф) (1777–1853) – выдающийся русский востоковед, один из основоположников российской синологии и монголоведения.

Основываясь на тех же источниках, что и Н. Я. Бичурин, один из ведущих современных специалистов в области истории кочевых обществ, американский ученый Т. Барфилд отличительной особенностью империи Хунну и последующих государственных образований, существовавших на территории Монголии до эпохи Чингисхана, считал их конфедеративную форму государственного устройства.

«Предшественницами Монгольской империи (Чингисхана. – А. М.), – писал американский ученый, – были *имперские конфедерации, использовавшие принципы племенной организации*. Племенные вожди управляли на локальном уровне, в то же время имперская структура основывалась на монополии на внешнюю политику и военные дела... Особенностью импер-

ских конфедераций было включение в их состав племен без разрушения их трайбалистской структуры (племенной обособленности. – А. М.)... На местном уровне составляющие конфедерацию племена (в том числе и монголоязычные. – А. М.) управлялись почти так, как до их включения в состав кочевой империи. Местные вожди и старейшины сохраняли значительную автономию из-за их тесных связей с соплеменниками. Поэтому, когда имперская структура разваливалась, вожди племен были готовы проявиться как автономные политические деятели»²⁹.

Действительно, всякий раз, когда возникавшие и процветавшие на территории современной Монголии государства постепенно приходили в упадок и распадались, древнее монгольское общество снова полностью возвращалось к *родовой и аймачной организации*... Такая историческая закономерность позволила исследователям охарактеризовать путь эволюции древнего общества монгольских кочевников как «*спиралеобразный*»³⁰.

Главная причина этого многовекового спиралеобразного процесса, как считает монгольский ученый, академик Ш. Бира, заключалась в том, что «появление государства (в форме конфедерации. – А. М.) в этом обществе не приводило к коренному изменению и уничтожению старого родового строя, родовой и аймачной (племенной. – А. М.) организации, основывавшихся на кочевом скотоводстве...»³¹

Отметим, что в течение всего I и в начале II тысячелетия н. э. не изменялась не только родовая и аймачная организация древнего монгольского общества, но и господствовавший в нем способ хозяйствования – «особый тип *производящего хозяйства – кочевое скотоводство*».

Формирование этого способа хозяйствования (*производящей экономики*) на территории современной Монголии исследователи относят к концу II и началу I тысячелетия до н. э. и объясняют переходом от земледелия к скотоводству... необходимостью приспособления к менявшимся условиям окружающей среды... При этом (исследователи допускают. – А. М.), что часть местных племен охотников-собирателей (*субъектов присваивающей экономики*) была оттеснена в более северные земли³².

Этот переход (от охоты, рыболовства и собирательства к кочевому скотоводству. – А. М.) был длительным и происходил у предков монгольских народов в эпоху бронзы. К I тысячелетию до н. э. в степях Центральной Азии сформировался *хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников сухих степей Евразии*, устойчиво сохранившийся здесь в течение трех последующих тысячелетий³³.

Таким образом, в течение всего I и в начале II тысячелетия н. э. устойчиво сохранялись не только *хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников* и породивший его «особый тип *производящего хозяйства – кочевое скотоводство*», но и такие формы предшествовавшего ему способа хозяйствования (*присваивающей экономики*), как охота, рыболовство и собирательство. Это сосуществование двух способов хозяйствования обусловило наличие в *регулятивных системах* существовавших на территории Монголии конфедераций *признаков обоих и их преемственность*.

²⁹ Барфилд Т. «Монгольская модель кочевой империи» // «Монгольская империя и кочевой мир». Улан-Удэ, Издательство БНЦ СО РАН, 2004. С. 258–259.

³⁰ Теорию «спиралеобразной» эволюции монгольского кочевоего общества разработал американский ученый О. Латтимор. Современные ученые Л. Крадер, А. Хазанов, Т. Барфилд, Н. Космо и многие другие в основном придерживаются этой теории и развивают ее (Бира Ш. «Некоторые проблемы истории и идеологии Великого Монгольского Улуса» (на монг. яз.). У.—Б., 2006. С. 5, 105).

³¹ Бира Ш. «Некоторые проблемы истории и идеологии Великого Монгольского Улуса» (на монг. яз.). У.—Б., 2006. С. 5–6.

³² Викторова Л. Л. «Монголы. Происхождение народа и истоки культуры». М., издательство «Наука», 1980. С. 104, 106.

³³ Чебоксаров Н. Н. «Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии». – «Народы Восточной Азии». «Серия народы мира». М., 1965 // Викторова Л. Л. «Монголы. Происхождение народа и истоки культуры». М., издательство «Наука», 1980. С. 104.

При этом каждое последующее раннефеодальное государство кочевых народов, которое образовывалось на территории Монголии, не только в той или иной мере наследовало государственно-правовые традиции предшественника, но и само развивало эти традиции.

Это касалось и тюркских народов, которые со времен империи Хунну входили в состав или являлись вассалами господствовавших на территории Монголии домов. Эти тюркоязычные народы в период VI – начало X вв. нашли в себе силы создать свои ханства (Первый и Второй тюркские каганаты (552–745 гг.), Уйгурский каганат (745–840 гг.), Киргизское ханство (818 – около 900 гг.)) и, подчинив себе монгольские племена, установить господство в Центральной Азии³⁴.

Очевидно, поведанная нам персидским летописцем Рашид ад-дином «Легенда об Эргунэ-кун» повествует именно об этом периоде истории монголов: вытесненные во второй половине VI века с исконных территорий тюрками древнемонгольские племена, прародители Чингисхана, вплоть до VIII в. находились в легендарной местности *Эргунэ-кун*³⁵.

«Легенда об Эргунэ-кун» начинается с известия о событиях, связанных с крушением и распадом в 555 году Монгол-Нирунской державы³⁶: *«У того племени, которое в древности называли монгол³⁷, случилась распря с тюркскими племенами и закончилась сражением и войной. Имеется рассказ, [передаваемый со слов] заслуживающих доверия почтенных лиц, что над монголами одержали верх другие племена и учинили такое избиение [среди] них, что [в живых] осталось не более двух мужчин и двух женщин. Эти две семьи в страхе перед врагом бежали в недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги, кроме одной узкой и труднодоступной тропы, по которой можно было пройти туда с большим трудом и затруднением. Среди тех гор была обильная травой и здоровая [по климату] степь. Название этой местности Эргунэ-кун. Значение слова кун – косогор, а эргунэ – крутой, иначе говоря, “крутой хребет”. А имена тех двух людей были: Нукуз и Киян (Хиян. – А. М.). Они и их потомки долгие годы оставались в этом месте... Когда среди тех гор и лесов этот народ размножился и пространство [занимаемой им] земли стало тесным и недостаточным, то они учинили друг с другом совет, каким бы лучшим способом и нетрудным [по выполнению] путем выйти им из этого сурового ущелья и тесного горного прохода.*

³⁴ Переняв государственно-правовые традиции монгоязычных народов (хунну, сяньби, нирун), они передали эти традиции, как эстафету, прародителям Чингисхана (*Болдбаатар Ж. Лундээжанцан Д. «Государственные и правовые исторические традиции Монголии»* (на монг. яз.). У.—Б., 2011. С. 16–56; *Дашиям И. «История монгольского государства и права»* (на монг. яз.). У.—Б., 2005. С. 56; 68; 83, 108–118; 130).

³⁵ До сих пор нет однозначного ответа на вопрос, где находится эта местность. Так российские ученые О. М. Ковалевский и П. Кафаров считали, что эта местность находится на реке Аргунь, Дорж Банзаров – на территории нынешней Внутренней Монголии (Китай). Монгольский ученый Х. Пэрлээ предполагал, что эту местность надо искать в верховьях реки Хайлар в Большом Хянгане. Еще одна версия была выдвинута монгольским ученым Ч. Далаем, который утверждал, что Эргунэ-кун располагается в Саянах.

³⁶ *Сүхбаатар Г. «Монгол-Нирунское государство»* (на монг. яз.). У.—Б., 1992.

³⁷ Впервые этноним «монгол» упоминается в китайской династийной хронике «Бэй шу» («История государства Бэй» (Тоба Вэй. – А. М.), которая повествует о событиях IV–VI вв. н. э.); иероглиф, которым обозначался этот этноним, читался как «*му-гу-лю*». Такое прозвание получил плененный (в период между 304 и 318 гг.) тобавэйцами подросток из племени *мэгэ*. Впоследствии этноним «монгол» фиксировался и в других китайских династийных хрониках, в частности, в летописях династии Тан, другими китайскими иероглифами, которые произносятся как «мэнгу», «мэнва». Так в «Цзю Тан шу» (945 г. н. э.) есть сведения о народности мэнгу (монгол), которая в составе Улуса Их Шивэй кочевала в районе верхнего течения реки Аргунь. Именно там, где предположительно находится легендарная местность Эргунэ-кун. Как отмечал монгольский историк Ч. Далай, иероглифы, которыми в Танских хрониках передавался этноним «монгол», имели пренебрежительно-оскорбительный смысл: «глупый», «невежественный» (*Далай Ч. «Улус Хамаг Монгол»* (Все Монголы) (1106–1206) (на монг. яз.). У.—Б., 1996. С. 30). Это однозначно характеризовало негативное отношение оседлых китайцев к «диким кочевникам». В «Сокровенном сказании монголов» (XIII век) никаких пояснений по поводу названия народа, а затем и государства, нет. А вот персидский историк Рашид ад-дин по поводу этнонима «монгол» писал: «Слово же монгол сперва звучало (букв. было) *мунгол*, то-есть, “бессильный” и “простосердечный”» (*Рашид ад-дин «Сборник летописей»*, Т. 1, кн. 1. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 77).

И [вот] они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавил железо³⁸. Сбравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами³⁹, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали [из них] кузнечные мехи. [Затем] сложили дрова и уголь у подножья того косогора и так оборудовали то место; что разом этими семидесятью мехами стали раздувать [огонь под дровами и углем] до тех пор, пока тот [горный] склон не расплавился. [В результате] оттуда было добыто безмерное [количество] железа и [вместе с тем] открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи...

Рассказывают, что все племена монголов происходят из рода тех двух лиц (Нукуз и Киян (Хиян. – А. М.)), которые (некогда) ушли в Эргунэ-кун.

Среди тех, кто оттуда вышел, был один почтенный эмир по имени Буртэ-чинэ (Бортэ чоно. – А. М.), глава и вождь некоторых племен...»⁴⁰

С упоминания о Бортэ чоно персидский летописец приступил к изложению родословной прародителей Чингисхана. Однако мы в этом вопросе предпочли монгольский первоисточник пересказу правоверного мусульманина Рашид ад-дина.

Первоисточниками для нас являются монгольские легенды, повествующие о прародителях Чингисхана отнюдь не с позиций догматики ислама; в этих монгольских легендах впервые ясно было изложено с позиций тэнгрианства, т. е. культа Всевышнего Тэнгри шаманизма древних монгольских кочевников, о небесном происхождении «главы и и вождя некоторых племен» монголов Бортэ чоно, а затем и о «небесном мандате» на ханскую власть рода хиад-боржигин, к которому принадлежал Чингисхан.

Ранее в течение пяти веков передававшиеся изустно и таким образом сохранившиеся в памяти народной, во время составления «Сокровенного сказания монголов» эти легенды впервые были зафиксированы письменно.

Автор «Сокровенного сказания монголов», если хотите, юридически закрепляя устное предание⁴¹, предпослал ему заголовок «Прародители Чингисхана» и начал собственное изложение родословной предков Чингисхана с известия о небесном происхождении Бортэ чоно:

«Рожденный⁴² по благоволению Всевышнего Тэнгри (Верховного божества монголов. – А. М.), – Бортэ чоно и его жена Хоо марал – переправились через воды реки Тэнгис, пошли и сели в окрестностях горы Бурхан халдун⁴³, что в верховьях реки Онон»⁴⁴.

Дальнейшее изложение монгольским летописцем родословной прародителей Чингисхана (VIII–XII вв.), в частности, истории Алан гоо и ее семьи (вторая половина X в.), прежде всего, проливает свет на хозяйственную и общественную организацию древнемонгольского общества в интересующую нас эпоху: «Отец Алан гоо – хорь тумэдский ноён⁴⁵ Хорилардай мэргэн, а

³⁸ Это известие засвидетельствовало наличие других, помимо кочевого скотоводства, форм производящей экономики. Плавить и обрабатывать железо, постепенно вытеснявшее бронзовые изделия, предки монголов научились еще во второй половине I тысячелетия до н. э. (Викторова Л. Л. «Монголы. Происхождение народа и истоки культуры». М., издательство «Наука», 1980. С. 119).

³⁹ Харвар – перс. дословно «ноша осла» – мера веса, равняется 25–30 пудам.

⁴⁰ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 1. С. 153–154; Т. 1, кн. 2, С. 9. М., НИЦ «Ладомир», 2002.

⁴¹ Имеется ввиду «Легенда о Бортэ чоно, рожденном по благоволению Всевышнего Тэнгри», использованная автором «Сокровенного сказания монголов».

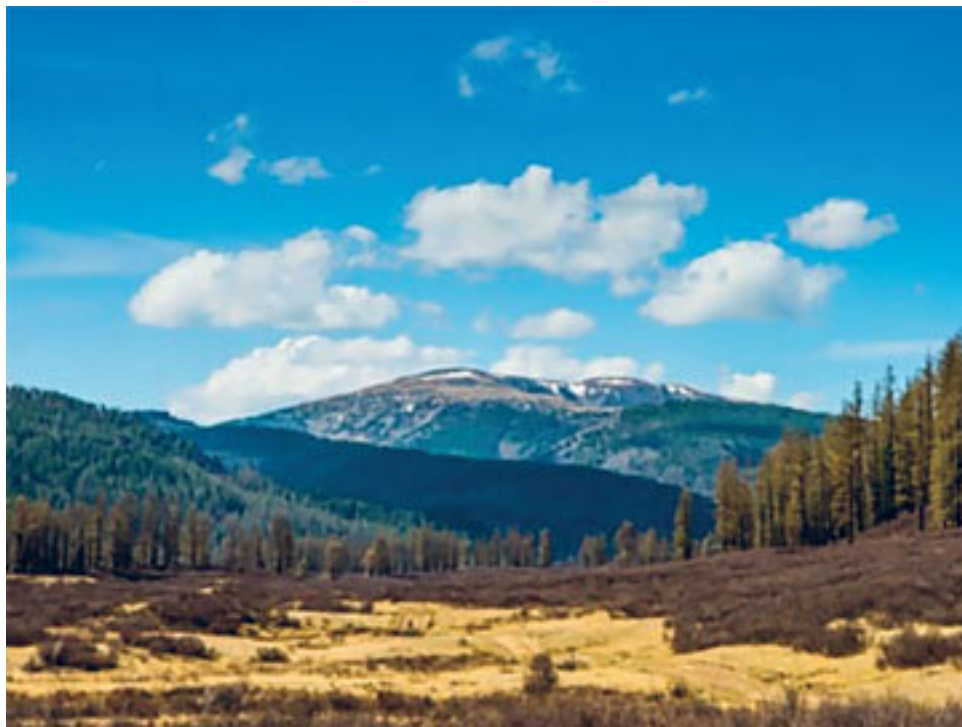
⁴² По мнению монгольского ученого Х. Пэрлээ, Бортэ чоно родился ок. 758 года. Далее предположительные даты рождения предков Чингисхана также даются по версии Х. Пэрлээ.

⁴³ Гора Бурхан халдун находится в Хэнтэйском аймаке в северо-восточной части современной Монголии.

⁴⁴ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., Эксмо, 2009. С. 50.

⁴⁵ Ноён – князь, господин. В процессе классового расслоения монгольского общества во всех племенах выделился господствующий класс – ноёнство; ноёны подчиняли себе сначала большие группы людей своего племени, а затем и целиком какой-нибудь род, постепенно добиваясь власти над всем племенем. ...хорь тумэдский ноён – один из предводителей племен хори и тумэд, «стойбища и жилища которых находятся на той (западной. – А. М.) стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» (Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн.

мать – Баргужин гоо; родилась Алан гоо в уделе хорь түмэдов в местности, называемой Ариг ус... Хорилардай мэргэн отошел от пределов хорь түмэдских по причине раздоров, вспыхнувших меж близживущих родов, кои желали отвоевать друг у друга уделы, обильные зверем – соболем и белкой. Хорилардай мэргэн и люди его обособились, и прозвались они племенем Хорилар по имени ноёна своего. Прознав, что в окрестностях Бурхан халдуна зверя в изобилии, хорилары перекочевали в удел Шинчи баяна урианхайского⁴⁶, который поставил на горе Бурхан халдун кумира для поклонения духам-хранителям той горы⁴⁷⁴⁸.

Священная гора Бурхан Халдун. Монголия.

Как явствует из истории семьи Алан гоо⁴⁹, способ хозяйствования прародителей Чингисхана соединил в себе характерные для присваивающего способа ведения хозяйства охоту, рыболовство и собирательство съедобных растений⁵⁰ с «особым типом производящего хозяйства – кочевым скотоводством»⁵¹.

Формирование в степях Центральной Азии хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников сухих степей Евразии⁵² послужило основанием говорить о новых условиях жизни древних предков монголов, которые создал переход к кочевому скотоводству.

1. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 121–122).

⁴⁶ Племя урианхайцев, по сведениям Рашид ад-дина, было в числе племен, покинувших Эргунэ-кун и перебравшихся в местность Бурхан халдун.

⁴⁷ Уже во времена прародителей Чингисхана существовал культовый ритуал поклонения духам-хранителям горы Бурхан халдун. С этой местностью связаны многие события жизни и деятельности Чингисхана, о которых будет рассказано впоследствии.

⁴⁸ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 50–51.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 19; «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 51, 54.

⁵¹ О том, что семья Алан гоо, помимо охоты, занималась скотоводством, свидетельствует сообщение о разделе ее сыновьями скота после смерти матери («Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 53).

⁵² Чебоксаров Н. Н. «Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии». – «Народы Восточной Азии». «Серия

«Прежде всего племена степных пространств Центральной Азии приобрели постоянный и достаточный источник существования, подчас даже избыток высококачественных продуктов и сырья. Количество пищи лимитировалось наличием скота, его продуктивностью и площадью пастбищ, от которых зависело теперь благосостояние коллектива... А так как скот и пастбища – легко отчуждаемое имущество, то у различных коллективов, связанных между собой отношениями родства и свойства, возникала необходимость в постоянной готовности к их защите. Это способствовало существенным изменениям в социальной организации общества. До этого община состояла, как правило, из представителей двух-трех матрилинейных тотемических родов, связанных брачными отношениями своих членов и вытекающими из этого взаимными обязательствами (совместная коллективная охота, взаимопомощь, кровная месть, нормы экзогамии⁵³).

Экономическая основа кочевого скотоводства стала базой для формирования нового типа общины... При сохранении кровнородственной основы в общине стали медленно изменяться принципы линейности родства, что было связано с расширением роли и функций мужчин в обществе... Так постепенно складывается понятие о двойном родстве, закрепленное в монгольских терминах родства (родство по матери и родство по отцу), причем родство по отцу постепенно выходит на передний план...

Род и община становятся постепенно патрилинейными, а на смену тотемическому материнскому роду приходит генеологический отцовский род. Постоянное ядро общины составляет группа родственников разных поколений, принадлежащих к одному отцовскому роду...

Явления, сопутствовавшие перестройке общественной организации у народов, генетически связанных с монголами... бытовали вплоть до конца I тысячелетия новой эры»⁵⁴, т. е. как раз в рассматриваемую нами эпоху прародителей Чингисхана.

В справедливости приведенных выше суждений ученого-монголоведа Л. Л. Викторовой мы убедимся, продолжив анализ сообщений монгольского летописца. В них как раз и были засвидетельствованы *«явления, сопутствовавшие перестройке общественной организации у народов, генетически связанных с монголами»*: зафиксирована смена тотемов, а затем и вовсе замена старого представления о тотемистическом происхождении родоначальника монголов на понятие о его небесном происхождении, описаны древнемонгольские патрилинейные роды и община.

Итак, вслед за древними летописцами обратим внимание читателей на следующие ключевые моменты:

Во-первых, имена самих мифологических прародителей Чингисхана – Бортэ чоно и его супруги Хоо марал, в переводе с монгольского означающие Серый Волк и Прекрасная Лань, свидетельствуют о тотемизме древних монголов. Эти священные животные были объектами религиозного почитания (тотемом) древних монголов, считались их покровителями. Причем первым тотемом и прародительницей древних монголов считается Хоо марал (Прекрасная Лань), подтверждением чему являются произведения «звериного стиля» в искусстве древних монголов – *оленные камни*⁵⁵.

Для дальнейших стадий религиозного развития характерно отождествление родоначальника с божеством-тотемом. Примером тому и является «Легенда о Бортэ чоно...», включен-

народы мира». М., 1965 // Викторова Л. Л. «Монголы. Происхождение народа и истоки культуры». М., издательство «Наука», 1980. С. 104.

⁵³ Экзогамия (от экзо... и греч. *gámos* – брак) – запрет брачных отношений между членами родственного (род, фратрия), реже – локального (община) коллектива в эпоху первобытнообщинного строя (сохранялась и в более позднее время) (Источник: <https://gufo.me/dict/bse/Экзогамия>).

⁵⁴ Викторова Л. Л. «Монголы. Происхождение народа и истоки культуры». М., издательство «Наука», 1980. С. 111–113.

⁵⁵ Дулам С. «Образы монгольской мифологии» (на монг. яз.). У.—Б., 2009. С. 43–47.

ная в «Сокровенное сказание монголов»; в этой легенде родоначальник монголов был назван именем их тотемного кумира Бортэ чоно (Серый Волк).

Однако объявление прародителем древних монголов только одного из двух их прежних тотемов-прародителей – *«почтенного эмира по имени Буртэ-чинэ (Бортэ чоно. – А. М.), главы и вождя некоторых племен»*⁵⁶, является убедительным подтверждением вывода Л. Л. Викторовой о том, что в период становления производящей экономики «род и община становятся постепенно патрилинейными, а на смену тотемическому материнскому роду приходит генеалогический отцовский род»⁵⁷.

Во-вторых, древние летописцы сообщают о том, что родоначальник древних монголов Бортэ чоно был рожден *«по благоволению Всевышнего Тэнгри»*. Это свидетельствовало о том, что на определенном этапе развития древнемонгольского родоплеменного общества старое представление о тотемистическом происхождении родоначальника монголов, характерное для регулятивной системы присваивающего способа хозяйствования, уже было недостаточным, и его дополнили *новым понятием о небесном происхождении родоначальника властвующего рода*, в результате чего генеалогия прародителей Чингисхана обрела новое, явное политическое и идеологическое содержание⁵⁸.

Современные ученые-правоведы считают, что *подобные изменения были обусловлены становлением производящей экономики, повлиявшим в том числе и на идеологию, а также связанную с ней регулятивную систему. Так, для новой идеологии становится характерным изменение культов..., т. е. изменяется мифологическое сознание* (выделено мной. – А. М.)⁵⁹.

На смену мифологическому сознанию человека присваивающей экономики приходит мифологическое сознание человека раннеклассового общества, оперирующего *иной системой мифов*.

В основание этой системы была положена «Легенда об Алан гоо», которая, будучи использована автором «Сокровенного сказания монголов», логически продолжала «Легенду о Бортэ чоно» и была призвана окончательно и безоговорочно обосновать с позиций верований древних монголов – тэнгрианства – «небесное избранничество» прародителей Чингисхана: во-первых, подтвердить небесное происхождение *«главы и вождя некоторых племен»* монголов Бортэ чоно, и, во-вторых, объявить о «небесном мандате» на ханскую власть рода хиад-боржигин, из которого ведет свое происхождение Чингисхан.

В этой легенде, зафиксировавшей следующий важный этап эволюции мировоззрения такой социальной группы, как древнемонгольский род, рассказывается о том, что потомок Бортэ чоно в двенадцатом поколении, главенствовавший над коренными монгольскими родами – «старой ветвью» Хиянова рода, дарлигин-монголами – Добун мэргэн, умер рано, оставив свою жену Алан гоо (род. около 930–940 гг. н. э.) с двумя сыновьями-сиротами. Но после смерти мужа Алан гоо родила еще троих сыновей. Возникшие сомнения и подозрения со стороны их общих с Добун мэргэном сыновей и ее сородичей Алан гоо попыталась развеять рассказом о небесном происхождении трех последних детей: *«Бэлгунудэй, Бугунудэй, сыны мои! У вас явились подозренья, как это ваша мать троих вам братьев народила, и чьими будут эти сыновья. В своих сомнениях сыновьях вы правы. Но вам неведомо одно лишь только. И истинно вам это говорю: к нам в юрту каждой ночью чрез верхнее орхо Всевышний Тэнгри*

⁵⁶ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 9.

⁵⁷ Викторова Л. Л. «Монголы. Происхождение народа и истоки культуры». М., издательство «Наука», 1980. С. 112.

⁵⁸ Понятие о небесном происхождении властвующего ханского рода было широко известно среди кочевых народов (хунну, сяньби, жужан, тюрки, кидане), обитавших на территории современной Монголии. Оно основывалось на фундаментальной концепции традиционной народной религии древних обитателей Монголии – шаманизма – культе Всевышнего Тэнгри или тэнгрианстве (Тэнгрианство – от общего тюрко-монгольского слова «тенгери» (по-тюркски – Tängri, по-монгольски – Tngri, современное монгольское произношение – тэнгэр. По-русски можно перевести как «небо»)).

⁵⁹ Венгеров А. Б. «Теория государства и права». М., издательство «Омега-Л», 2013. С. 63.

нисходил⁶⁰, вокруг сиянье исторгая. Он гладил чрево грешное мое, сияние его в меня входило. Когда ж луна должна сойтись и разминуться с солнцем, он, словно желтый пес, виляющий хвостом, поспешно уходил; и яркий свет за ним струился⁶¹. Ужели нужно что-то молвить боле. Ведь ваши братья – Небесного Владыки сыновья.

Негоже вам, сыны мои,
Уподоблять их черновласой черни.
Когда владыками над всеми
Взойти им время подойдет,
Великий смысл рожденья сыновей моих
Откроется простолюдинам⁶²»⁶³.

Обращает на себя внимание следующая фраза Алан гоо: «Когда ж Луна должна сойтись и разминуться с Солнцем, он, словно желтый пес, виляющий хвостом, поспешно уходил...» Поскольку у монголов табуировано слово «волк» и последний зовется «хангайской собакой», «степной собакой», а в некоторых местах «желтой собакой», можно предположить, что «желтый пес» в устах Алан гоо – это уважительное именование прародителя монголов – Бортэ чоно, рожденного по благоволению Всевышнего Тэнгри. А это, естественно, дало основание Алан гоо говорить, что родившиеся уже после смерти мужа три сына – «Небесного Владыки сыновья».

Глубокие мифологические корни этой легенды были понятны древним монголам, сородичам Алан гоо. Древние монголы (хунну, сяньби, жуань, кидане) и тюрки почитали Вечное Синее Небо как верховное божество – Всевышнего Тэнгри или Небесного Владыку, – дарующее жизнь, одушевляющее все живое, обычно вместе с Матерью-Землей управляющее миром и руководящее делами человека⁶⁴, иногда посылающее на землю своего избранника, которому суждено быть вершителем великих дел; такой посланец входит в бытие сверхъестественным образом, примером чему и является предание о рождении трех сыновей Алан гоо.

Все это помогло Алан гоо убедить старших сыновей и сородичей в своей непорочности, а также подтвердить право своих младших сыновей, а значит и их потомков, на главенствующее положение среди коренных монгольских родов и племен⁶⁵.

⁶⁰ ...к нам в юрту каждой ночью чрез орхо Всевышний Тэнгри нисходил... – Как писал Дорджи Банзаров, «Эти предания, имеющие целью возвысить в глазах народа известные владетельные роды, доказывают также заботливость Неба (Всевышнего Тэнгри. – А. М.) о счастье народа: ибо такие его посланники обыкновенно являются укротителями крамол, устроителями сильных царств, после раздробления и упадка сил кочующих народов» (Банзаров Дорджи. «Черная вера или шаманство у монголов». СПб., Типография императорской АН, 1891. С. 9). Орхо – фартук, прикрывающий тоно, дымовое отверстие в крыше монгольской юрты.

⁶¹ По мнению монгольского ученого Ш. Биры, вместе с новым понятием о небесном происхождении родоначальника властвующего рода появляется понятие о происхождении ханского рода во главе с Чингисханом от Света: «Бодончар Мунхаг, рожденный Алан гоо от низшедшего с небес Света, становится основателем “золотого рода” монгольских ханов. Эта совершенно новая идея, которую можно назвать идеей Света, стала поворотным моментом в развитии политической мысли древних монголов. По сравнению с древнейшим тотемизмом монголов, эта идея была более совершенной и стройной концепцией, которая наряду с понятием о небесном происхождении родоначальника “золотого рода” свидетельствовала о достаточно высоком уровне политического мышления монголов (в эпоху прародителей Чингисхана. – А. М.)... Несомненно, что эта новая, своеобразная концепция, которую можно назвать *свето-тенгеризмом*, возросла на идейной почве исконно монгольского шаманизма; впрочем, вполне возможно, что в ней в специфической форме нашло отражение влияние развитых цивилизаций соседних стран. В частности, идея Света, позднее соединенная с концепцией монгольского тенгеризма о небесном происхождении “золотого рода” Чингисхана, вполне возможно, была почерпнута монголами из манихейства, которое в то время было широко распространено среди их ближайших соседей и “культурных посредников” – тюркских и уйгурских племен (Бира Ш. «Некоторые проблемы истории и идеологии Великого Монгольского Улуса» (на монг. яз.). У.—Б., 2006. С. 56–60).

⁶² ...Великий смысл рожденья сыновей моих откроется простолюдинам. – Здесь и далее перевод стихов Г. Б. Ярославцева.

⁶³ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 50–53.

⁶⁴ Дулам С. «Образы монгольской мифологии» (на монг. яз.). У.—Б., 2009. С. 82–86.

⁶⁵ Дулам С. «Главная книга монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 26.

«Когда Алан гоо это рассказала, – пишет Рашид ад-дин, – и (после того как) по всяким внешним данным ее скромность и целомудренность для них (ее детей и сородичей. – А. М.) стала установленной, они не стали ей (больше) чинить ни каких придирок и беспокоить ее. Они поняли, что слово ее истинно, а речь ее правдива»⁶⁶.

«Легенда об Алан гоо» возродила славную память о Хияне и его потомках, начиная с Бортэ чоно, и главное, стала главным доводом при обосновании «небесного избранничества» «золотого рода» Чингисхана – хиад-боржигин, прямого наследника рода Хиянова. А для этого устами Алан гоо фактически было провозглашено появление «новой ветви» Хиянова рода – нирун-монголов, «сынов Всевышнего Тэнгри»⁶⁷, которым суждено стать «владыками над всеми», в том числе, и над дарлигин-монголами, «старой ветвью» Хиянова рода.

Это владычество было засвидетельствовано Рашид ад-дином в его классификации монгольских родов, прояснявшей смысл и последствия разделения коренных монголов на две части: нирун-монголов и дарлигин-монголов: «...Все многочисленные ветви и племена, которые произошли от этих сыновей (Алан гоо – Бугу хатаги, Бугуту салжи и Бодончар мунхага. – А. М.), называют нирун, что значит: они появились из непорочных чресел; это [название] является намеком на чистые чресла и чрево Алан гоо. Эти племена пользуются полнейшим уважением и [выделяются] из среды других племен, словно крупная жемчужина из раковины и плод [лучший] от дерева.

Все те из монгольских племен, которые не принадлежат к [племенам] нирун, называют дарлекин (дальние родственники. – А. М.)⁶⁸... Они суть колена и племена, родившиеся от остатков монгольского племени Нукуза и Хиана, которые ушли из Эргүнэ-кун. Они были прежде времени Добун мэргэна и Алан гоо...

Они [дарлекины] являются рабами (вассалами. – А. М.) и потомками рабов (вассалов. – А. М.) предков Чингисхана»⁶⁹.

Заметим, что в предложенных автором «Сокровенного сказания монголов» и Рашид ад-дином в «Сборнике летописей» классификациях родства⁷⁰ был фактически узаконен переход властных полномочий над коренными монгольскими племенами от дарлекинов к нирунам, и в частности, к одному из трех «сыновей Небесного Владыки», Бодончару, которому было суждено стать родоначальником рода хиад-боржигинов, «золотого рода» Чингисхана. Сам Тэмүжин-Чингисхан стал потомком Бодончара в одиннадцатом поколении.

⁶⁶ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 14.

⁶⁷ В вопросе «Прервался или не прервался Хиянов род после рождения троих детей Алан гоо?», пожалуй, следует все же основываться на свидетельствах уважаемых летописцев. «Так как Добун-баян (мэргэн. – А. М.), который был мужем Алан гоо, происходил из рода Кияна, а Алан гоо из племени курлас (горлос. – А. М.), то родословная Чингисхана... восходит к ним», – писал Рашид ад-дин (Рашид ад-дин. «Сборник летописей». М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 154). Развивая мысль персидского летописца, Хивинский хан Абуль-Гази в своем сочинении «Родословное древо тюрков» утверждал, что «в потомстве Кияна (Хиана. – А. М.) был человек по имени Курлас (Горлос или Хорилар. – А. М.), поколение которого было многочисленное всех поколений, называясь Курласами. Из Курласов всегда избирали правителя всех поколений. По выходе монголов из Эргүнэ-куна их предводителем был Бортэ чоно из рода Курласов» («Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана». Казань, 1906 г. – режим доступа: www.vostlit.info). И поскольку «Бортэ чоно... из рода Хиянова, из племени Горлос», а Добун мэргэн и Алан гоо оба потомки Бортэ чоно», то получается, что мистический рассказ Алан гоо о рождении Бодончара и двух его братьев от «посланца Всевышнего Тэнгри» (Бортэ чоно. – А. М.) мог восприниматься монголами-тэнгрианцами как «обыкновенное чудо». В таком случае в древнем предании говорилось не о начале нового рода, а всего лишь об «обновлении» рода Хиянова, к которому принадлежал Бортэ чоно, «рожденный по благоволению Всевышнего Тэнгри», и его потомки Добун мэргэн, Алан гоо и, наконец, Бодончар.

⁶⁸ «(Это были племена): нукуз, урианхай, хонгирад, ихирэс, олхунуд, хорилар, элжигэн, хунхулиуд, ортауд, хонхотан, арулад, хэлэнгуд, хунжис, ушин, сулдус, илдурхин, баягуд и хингид» (Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 1. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 78).

⁶⁹ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 15.

⁷⁰ На примере предложенных автором «Сокровенного сказания монголов» и Рашид ад-дином в «Сборнике летописей» классификаций проявляется важнейшая роль генеалогических преданий, именуемых сейчас учеными-правоведами «классификационным родством», как формы выражения социальных норм регулятивной системы древнемонгольского родоплеменного общества в период присваивающей экономики, но особенно в период производящей экономики.

Судя по древним летописям, Бодончар, преодолев после смерти матери Алан гоо многие трудности и лишения, пожалуй, первым осознал смысл ее пророческих слов о необходимости укрепления «родства и дружества», объединения всех монголов, дабы не быть поверженными врагами, лично участвовал в объединении «бесхозных» родов⁷¹. Понял Бодончар и то, что, «как любому телу нужна голова, а дэлу⁷² – ворот», так и монголам нужен сильный и мудрый вождь.

Именно Бодончара называет Рашид ад-дин «предводителем и государем многих из монгольских племен»⁷³. Дополняя персидского летописца, монгольский летописец XVIII века Мэргэн гэгэн в «Алтан тобчи» констатирует: «...народ Бодончара стал многочисленным, а всех вместе стали называть народом монгольским»⁷⁴.

Другим вариантом русского перевода процитированного фрагмента монгольского оригинала может быть следующий: «всех вместе стали называть Монгольским улусом».

Таким образом, автор летописи «Алтан тобчи» Мэргэн гэгэн утверждает, что впервые название союза кровных родственников *Монгольский улус* появилось при Бодончаре, в конце X века.

Тем не менее перевод «народ монгольский» очень точно передает смысл монгольского слова «улус», который вкладывался в него в эпоху Бодончара. В этой связи выдающийся российский монголовед Б. Я. Владимирцов (1884–1931) в своей книге «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» разъясняет термин *улус* (*ulus*) следующим образом: «Слово *ulus* может быть переводимо, с известными оговорками, как “удел, владение”; только монголов, как истых кочевников, в понятии этом больше интересуют люди, а не территория: действительно, первоначальное значение слова *ulus* и есть именно “люди”. Поэтому слово *ulus* может быть передано и как “народ”, т. е. “народ-удел”, “народ, объединенный в таком-то уделе, или образующий удел-владение”»⁷⁵.

В X–XI веках ближайшие потомки Бодончара, боржигины Хабичи-батор, Мэнэн тудун, Хачи хулуг и Хайду неизменно главенствовали в Монгольском улусе, союзе нирун-монгольских племен; а первым из предков Чингисхана, который удостоился титула хана родоплеменного союза Монгольский улус был Хайду (родился ок. 1035 г. – А. М.).

«Всевышняя истина (Всевышний Тэнгри. – А. М.), – пишет Рашид ад-дин, – даровала шестому предку Чингисхана, Хайду, счастье и благоденствие и пожаловала (ему) помощь (своего) подкрепления и попечения⁷⁶ до того, что у него появилось несчетное количество жен, подчиненных, отар и табунов»⁷⁷.

Таким образом были засвидетельствованы характерные для производящей экономики «возникновение и присвоение прибавочного продукта («несчетное количество отар и табунов». – А. М.), социальную дифференциацию общества («несчетное количество подчиненных» – А. М.)⁷⁸, а также унаследованную от древних предков полигамию («несчетное количество жен»).

⁷¹ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 53–55.

⁷² Дэл – национальная верхняя одежда монголов, халат на подкладке.

⁷³ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 16.

⁷⁴ Балданжапов П. Б. «Алтан тобчи. Монгольская летопись XVIII в.». Улан-Удэ, 1970. С. 140.

⁷⁵ Владимирцов Б. Я. «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» // Владимирцов Б. Я. «Работы по истории и этнографии монгольских народов». М., «ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 393.

⁷⁶ Всевышняя истина (Всевышний Тэнгри. – А. М.), даровала шестому предку Чингисхана, Хайду, счастье и благоденствие и пожаловала (ему) помощь (своего) подкрепления и попечения... – Это выразилось в том, что Хайду еще будучи ребенком был спасен своим дядей во время резни, устроенной одной из групп племени джалаилов, которые убили его мать и всех семерых братьев. (Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 21).

⁷⁷ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 18–19.

⁷⁸ Венгеров А. Б. «Теория государства и права». М., издательство «Омега-Л», 2013. С. 71.

Монгольский улус существовал и развивался при потомках Хайду-хана – сыне Бай шинхор догшине (родился ок. 1052 г. – А. М.) и внуке Тумбиной сэцэне (родился ок. 1069 г. – А. М.).

Если до второй половины XI века «значение монголов и их правящего рода боржигин не выходит за границы занимаемых этими племенами земель: все события, описываемые «Сокровенным сказанием монголов», касаются лишь вопросов внутренней консолидации, то к концу XI века положение стабилизировалось настолько, что монгольский вождь решился непосредственно завязать отношения с киданьской империей Ляо (916–1125 гг.)⁷⁹. В этот период монголами правил Тумбинай сэцэн, которому принадлежала инициатива установления политических и культурных связей с киданьской империей Ляо⁸⁰. Об этом свидетельствует упоминание в «Истории железной империи» (Дайляо гуруни судури) о посольстве (к киданям. – А. М.) из Монгольского Улуса в 1084 году, а также о военной помощи, оказанной киданям, когда те подверглись нападению со стороны южных соседей – чжурчжэней и южных сунов⁸¹.

Все эти факты дали основание монгольскому ученому Ч. Далаю сделать вывод о том, что «в начале XII века, во времена Бай шинхора и Тумбиная уже сложившийся союз монголов Трехречья (Монгольский улус. – А. М.) приобрел заметные черты государственности»⁸².

* * *

Б. Я. Владимирцов, основываясь на монгольских и персидских источниках, реконструировал процессы, которые происходили в хозяйственной и общественной жизни монголов именно этого периода их истории, и пришел к следующим выводам.

По его мнению, на этом этапе эволюции древнемонгольского родоплеменного общества среди монгольских племен, как и почти две тысячи лет тому назад, по образу жизни и ведения хозяйства различались «лесные» народы⁸³ и монголы-кочевники. «Лесные» народы занимались, главным образом, охотой, но не гнушались и рыболовства... частично конечно, начали подвергаться влиянию своих кочевых соседей и хозяйственный уклад их стал меняться: замечается эволюция в сторону кочевого быта, постепенный к нему переход⁸⁴.

⁷⁹ Как и древние монголы (мэнгу-шивэй), ведущие роды киданей ведут свое происхождение от сяньбийцев. Еще в глубокой древности они отошли от монголов; располагаясь рядом с китайцами и другими народами, подвергнувшись их влиянию, кидани обрели самобытность чужеродного свойства (*Болдбаатар Ж., Лундээжсанцан Д.* «Исторические традиции государства и права Монголии» (на монг. яз.). У.—Б., 2011. С. 39.). В 924 году киданьская армия, преследуя покидавшие территорию Монголии киргизские племена (киргизское ханство существовало на этой территории в 818 – ок. 900 гг.), подчинила себе все народы, в том числе и монголоязычные, проживавшие южнее реки Керулен и восточнее Алтая; кидани называли эти аймаки (иногда, государство) Зубу. С тех пор Зубу являлись данниками киданей. «Следовательно, – делает вывод Н. Я. Бичурин, – татарские поколения (монголы. – А. М.) находились под верховной властью киданей» (*Бичурин Н. Я.* «Записки о Монголии». – режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Zapiski_o_Mongolii/text23.htm). Современные исследователи, основываясь на указанных далее в нашем повествовании фактах, утверждают, что до конца 80-х годов XI века Монгольский улус существовал независимо от киданьской империи Ляо (*Дашням И.* «История государства и права Монголии» (209 г. до н. э. – середина XIII века), Т. 1. У.—Б., 2005. С. 126).

⁸⁰ *Викторова Л. Л.* «Монголы. Происхождение народа и истоки культуры». М., издательство «Наука», 1980. С. 166–167.

⁸¹ ...кидане подверглись нападению со стороны южных соседей – чжурчжэней и южных сунов... – Чжурчжэни – племена, населявшие в X–XV вв. территорию Маньчжурии, Центрального и Северо-Восточного Китая (в том числе, на территории нынешнего автономного района Внутренняя Монголия), Северной Кореи и Приморского края. Чжурчжэни – народность, говорившая на языке близком к маньчжурскому; первоначально чжурчжэни находились под властью киданей (династия Ляо), но в начале XII века они восстали и, нанеся киданям поражение, не без помощи войск китайской династии Сун (960–1279 гг.) захватили власть в Северном Китае и провозгласили образование державы Алтан-ханов – империи Цзинь (1115–1234 гг.). После вытеснения киданями китайской династии Сун на юг, за реку Янцзы, и безуспешных попыток последней вернуть себе потерянные земли (1004 г.), ее стали называть династией Южных Сунов.

⁸² *Далай Ч.* «Улус Хамаг Монгол (Все Монголы) (1101–1206 гг.)» (на монг. яз.). У.—Б., 1996. С. 38–41.

⁸³ *Рашид ад-дин.* «Сборник летописей», Т. 1, кн. 1. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 121–125.

⁸⁴ Об этом свидетельствовала рассказанная нами ранее история отца Алан гоо, Хорилардай мэргэна и его людей, прежде занимавшихся охотой на соболя и белку и перекочевывавших к горе Бурхан халдун и ставших, по выражению Б. Я. Владимир-

Главным занятием монголов-кочевников... было скотоводство и охота; это были кочевники-пастухи и охотники одновременно, но все-таки основой их экономической жизни было скотоводство...

Но одним кочевым скотоводческим хозяйством монголы XI–XII вв. прожить не могли: пищи недоставало. Недостаток этот пополнялся охотой на всякого рода дичь и отчасти рыбной ловлей; в затруднительных случаях питались и кореньями... Все вышесказанное позволяет видеть в монголе древней эпохи не просто кочевника, а «кочевника-охотника...»⁸⁵

Процесс исторического развития средневекового общества монгольских кочевников-охотников эпохи ближайших прародителей Чингисхана характеризовался постепенным переходом к новым формам организации хозяйственной деятельности (*от куренной*⁸⁶ *к аильной форме кочевания*) и социальной жизни (*от родового строя и сопутствовавших ему союзов кровных родственников к новым организационным формам жизни общества: родоплеменным объединениям во главе с ханами, провозглашенными «небесными избранныками»*).

О новой форме организации хозяйственной деятельности Б. Я. Владимирцов писал: «В то время как средние по своему состоянию и бедняки кочуют обществами (*куреньями*. – А. М.), богачи стремятся и вынуждены кочевать отдельно, *аилом*. Но кочевать аилом, т. е. небольшой изолированной группой с большим количеством скота, возможно только при условии общей безопасности... Приходилось искать выхода: разбивали большие курени на малые, сами владельцы жили и кочевали куреньями, а стада свои, главным образом табуны, держали аилами. Соединение куренного хозяйства с аильным представлялось, по-видимому, монголу XI–XII вв. самым идеальным»⁸⁷.

Б. Я. Владимирцов дал оценку и эволюционным процессам, происходившим в родовом строе древнего монгольского общества в XI–XII веках: «Один и тот же процесс наблюдается в монгольском родовом обществе XI–XII веков у всех племен и народностей... Везде и всюду выделяются дома, «большие семьи», просто семьи, которые или ответвляются от своего рода, образуя новое родовое сообщество, во главе которого они и становятся, или же занимают главенствующее положение в старом роде. При этом, конечно, идет настоящая борьба как с претендентами на такое же положение, так и с теми, кого стремятся подчинить, поставить в положение крепостных вассалов...

На этой почве развивается и еще другое явление. Могучие роды, богачи, начинают привлекать к себе силой или предоставлением различных благ членов других владетельных домов, или целые ветви, образуя уже довольно большие объединения...

Процесс разложения древнемонгольского союза кровных родственников – рода, ответвления отдельных домов, образующих вместе с подчиненными и крепостными вассалами новые кланы сюзеренов и вассалов, основывался на стремлении упрочить индивидуалистическое кочевое хозяйство... Необходимость обезопасить свои кочевья от набегов, стремление к наживе путем наездов и необходимость организации облавных охот, в которых обязательно участие значительного числа лиц, – все эти нужды степной монгольской аристократии вели к племенным объединениям с ханами во главе... Она-то поэтому и выдвигает из своей среды ханов, и отсюда постоянная борьба племен между собою... Процесс этот неизбежно должен

цова, кочевниками-охотниками («Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 51).

⁸⁵ Владимирцов Б. Я. «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» // Владимирцов Б. Я. «Работы по истории и этнографии монгольских народов». М., ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 329–331, 335, 336.

⁸⁶ «Значение (термина) *курень* – кольцо. В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно (располагалось) наподобие кольца, а его старейшина находился в середине (этого) круга, подобно центральной точке; это и называли *курень*» (Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 86).

⁸⁷ Владимирцов Б. Я. «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» // Владимирцов Б. Я. «Работы по истории и этнографии монгольских народов». М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 333.

был завершиться объединением, более или менее значительным... что, как известно, и произошло»⁸⁸.

Именно такое родоплеменное объединение «Хамаг Монгол улс» (существовал в 30–80-е годы XII века) возникло на месте прежнего союза кровных родственников – Монгольского улуса. Новый улус возглавил Хабул-хан (ориентировочно род. 1101, умер в 1148 г.), сын Тумбиной сэцэна⁸⁹.

При Хабул-хане родоплеменное объединение «Хамаг Монгол улс» значительно расширилось и укрепилось. Его территория простиралась от Хангайского хребта, где сливаются реки Орхон и Тола, на западе до побережья озер Буйр и Хулун на востоке. Ханская ставка находилась поблизости горы Бурхан халдун.

Само название улуса – «Хамаг Монгол», «Все Монголы», говорит о том, что это было объединение большинства монгольских родов и племен. «Улус Хамаг Монгол состоял из 19 племен нирун-монголов и 18 племен дарлигин-монголов... Среди племен нирун-монгол господствующее положение занимали три крупных племени – боржигин, тайчуд⁹⁰ и жадаран⁹¹.

⁸⁸ Там же. С. 369; 378–379.

⁸⁹ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 57.

⁹⁰ Тайчуд – Как писал Рашид ад-дин, «В летописи «Алтан дэвтэр» («Золотая книга». – А. М.), которая всегда хранилась в ханской сокровищнице под присмотром вельмож, критически исследовано и ясно и определенно написано, что тайчуды появились от Чарахай Линху, сына Хайду-хана...» Как явствует из «Сокровенного сказания монголов», прародителем тайчудов был сын Чарахай Линху, Сэнгум билгэ, который в свою очередь приходился родным дядей Хабул-хану.

⁹¹ Жадаран – Как писал Рашид ад-дин, «это племя происходит от седьмого сына Тумэна-хана (Мэнэн Тудуна, внука Бодончара – А. М.) по имени Дурбаян; это племя также называют джаджирад...» В отличие от Рашид ад-дина, в «Сокровенном сказании монголов» родоначальником этого племени назван приемный сын Бодончара – Жажирадай. («Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 53–55).

Хабул-хан (ориентировочно род. 1101, умер в 1148 г.) – предводитель родоплеменного объединения «Хамаг Монгол улс» (Улус Все Монголы), традиционного номадистского прото-государства, существовавшего в 30–80-ые годы XII века; прадед Чингисхана.

Предводители этих трех племен созывали Великий хуралтай⁹², на котором они выбирали хана улуса «Хамаг Монгол». Именно на таком Великом хуралтае в 1130 году предводителями трех главных племен нирун-монгол Хабул-хан был провозглашен ханом улуса «Хамаг Монгол». С тех самых пор глава настоящего монгольского государства, величаво титулованный «ханом», явственно присутствует в истории»⁹³.

⁹² *Великий хуралтай* – совет предводителей монгольских родов и племен; в эпоху Чингисхана и его преемников – высший консультативный орган власти при Великом хане.

⁹³ *Далай Ч.* «Хамаг Монгол улс» (Все Монголы) (1101–1206 гг.) (на монг. яз.). У.—Б., 1996. С. 39–41.

Отметим, что среди монголоведов существует и другая позиция по вопросу о политической системе монгольского общества XI – начале XIII в., отличная от автора предыдущего высказывания, монгольского ученого Ч. Далая.

Еще Б. Я. Владимирцов ставил под сомнение возможность называть образовавшийся улус «Хамаг Монгол» (Все Монголы) государством, а «тогдашних монгольских ханов считать государями, царями, ханами и т. д.»: «Известное объединение временно возникало в период войн, когда собирались нападать на кого-нибудь или отражать нападение противного племени... Часто, в особенности во время войны, больших облавных охот и т. п., племенные советы выбирали вождей-предводителей, которые и в мирное время продолжали иногда оставаться вождями. Их обыкновенно называли ханами. Но власть их была очень слабой и незначительной; все зависело от рода или группы родов, которые выдвигали того или иного хана... В ту пору монголы не знали еще института царской, ханской власти, она только что нарождалась»⁹⁴.

Многие современные ученые-монголоведы характеризуют улус «Хамаг Монгол» (Все Монголы), а также современные ему, другие улусы (объединения, союзы), так называемых, «омонголившихся» народов XI – начала XIII вв., например, татар⁹⁵, хэрэйд⁹⁶, мэргэд⁹⁷ и найманов⁹⁸, как «протогосударства», «чифдомы», «вожества»⁹⁹, хотя бы уже потому, что «в улусах не имелось института, способного сохранять целостность образования и обладавшего средствами принуждения»¹⁰⁰. В том числе и поэтому «вопрос государственности в кочевых обществах в последнее время решается в сторону отрицания внутренних, т. е. в составе самого кочевого общества, предпосылок к построению полноценного государства... Для кочевых “государств” государственные институты были необходимостью внешней – в целях их взаимодействия с соседними развитыми оседлыми культурами, с их полноценными государствами... Именно такое *традиционное номадистское протогосударство* было известно монголам в XII веке»¹⁰¹.

⁹⁴ Владимирцов Б. Я. «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» // Владимирцов Б. Я. «Работы по истории и этнографии монгольских народов». М., ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 375, 377.

⁹⁵ Татары – «Одним из могущественных монголоязычных племен конца XII века были татары, потомки тунгусских народов. Татары издревле кочевали в районе озер Хулун и Буйр (нынешний Автономный район Внутренняя Монголия КНР). В конце IX века укрепившие свое могущество татары большими силами двинулись на запад и заняли территорию уйгуров. Кроме того, объединившись с племенами, обитавшими с юга и севера от пустыни Гоби, – монголами, жалайрами, хэрэйдами, онгудами, мэргэдами, хонгирадами, – татары образовали под своей эгидой межплеменное Татарское объединение. Территория расселения племен этого объединения протянулась до хребта Гажил и гор Алаша... Очевидно, упомянутое выше межплеменное Татарское объединение было на самом деле первым объединением монгольских племен. Эти племена, вступившие в союз с татарами, во внешних сношениях именовали себя их именем, т. е. татарами. Впоследствии, будучи побежденными киданями, это племенное объединение распалось» (Сайшаал. «История Чингисхана», Кн. 1 (на монг. яз.). У.—Б., 2004. С. 208–210).

⁹⁶ Хэрэиды – располагались юго-западнее улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы), по течению рек Орхон и Туул. В описываемый период и позднее, в эпоху Чингисхана, хэрэйдская знать боролась между собой за власть в ханстве хэрэйд.

⁹⁷ Мэргэды – племя мэргэд принадлежало к числу крупных монголоязычных племен, обитало в верховьях реки Селенги; имело несколько ветвей: удуйд, увас, хад, маудан, тудаглин, жэгун. По свидетельству Рашид ад-дина, «это племя имело многочисленное, чрезвычайно воинственное и сильное войско» (Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 1. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 114).

⁹⁸ Найманы – племена найманов были кочевыми: они кочевали на обширной территории: от гористой местности в районе Большого Алтая на западе до земель, в которых жил Ван-хан (хан хэрэйд. – А. М.) на востоке и до границ пустынь, прилегающих [на юго-западе] к землям уйгуров. У этих найманских племен были свои почтенные и могущественные предводители; они имели многочисленное войско; обычаи и привычки их были похожи на монгольские...» (Рашид ад-дин. «Сборник летописей» // «Чингисхана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 533).

⁹⁹ Подробнее об этом: Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. «Империя Чингисхана». М., ИФ «Восточная литература» РАН, 2006. С. 107–112; Храпачевский Р. П. «Военная держава Чингисхана». М., АСТ, 2004. С. 42–48; Бира Ш. «Некоторые проблемы истории и идеологии Великого Монгольского Улуса» (на монг. яз.). У.—Б., 2006. С. 12–14.

¹⁰⁰ Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. «Империя Чингисхана». М., ИФ «Восточная литература» РАН, 2006. С. 106.

¹⁰¹ Храпачевский Р. П. «Военная держава Чингисхана». М., АСТ, 2004. С. 46–47.

Монголия в XIII веке.

Последующие события, о которых повествуют наши источники, пожалуй, безоговорочно свидетельствуют о правоте последних суждений.

Когда Хабул-хан предпринимал усилия к установлению равноправных отношений с чжурчжэньской империей Цзинь (1125–1234), от которого исходила главная внешняя угроза существованию его улуса, поначалу казалось, что возросший авторитет Хабул-хана и политическое влияние улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы) позволят ему добиться желаемого. Однако после смерти Алтан-хана Укимая (Баян Ужимэй) в правящей верхушке чжурчжэней окончательно возобладала позиция сторонников силового воздействия на монголов с целью их порабощения. Эта политика нового правителя империи Цзинь вылилась как в прямые вторжения цзиньской армии на территорию улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы), так и в натравливание татар, живших на востоке современной Монголии, на их соседей, другие монгольские племена.

В то время «татары оставались самым могущественным племенем среди всех монголо-язычных племен... Татары постоянно грабили и разоряли более слабые монгольские племена, пытались навязать им свое верховенство. После победы чжурчжэней над киданями и создания империи Цзинь чжурчжэньский император, которого монголы называли Алтан-хан, и татары в 1127 году заключили союз. После чего татары стали главной и надежной силой осуществления реакционной государственной политики Алтан-хана «достижения власти над чужеземцами руками самих чужеземцев». Татары предали интересы всех монгольских племен, превратились в подлых, ненавистных предателей, сдавшихся на милость своих чжурчжэньских господ»¹⁰².

В действиях татар была и экономическая подоплека: «...племя татар... судя по всему, взамен получило право контролировать всю торговлю Китая со Степью... Политические услуги, оказываемые татарами империи Цзинь, до определенного момента обеспечивали сохранение за ними приоритетов в торговле»¹⁰³.

Судя по свидетельствам Рашид ад-дина, обострение внешнеполитической обстановки вокруг улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы) было обусловлено не только военной и эконо-

¹⁰² Сайшаал. «История Чингисхана» (на монг. яз.), кн. 1. У.—Б., 2004. С. 208–210.

¹⁰³ Акимбеков С. М. «История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии». Алматы, ТОО «Институт Азиатских исследований», 2016. С. 196.

мической политикой нового Алтан-хана и действиями их приспешников, татар, но и предыдущими, недалекими действиями самого Хабул-хана и его окружения. Об этом красноречиво свидетельствуют не только приведенные Рашид ад-дином факты вызывающего поведения Хабул-хана на приеме у Алтан-хана, что впоследствии привело к убийству послов последнего, но и приводимые далее сведения все того же Рашид ад-дина о бессмысленном убийстве монголами татарского шамана, повлекшее за собой многолетнюю вражду и обоюдную месть¹⁰⁴.

И все же главную опасность для улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы) представляли регулярные вторжения на их территорию чжурчжэней. В частности, в конце 1138 года, а также в 1140 и 1147 годах значительные силы чжурчжэней вторгались на территорию улуса «Все Монголы». Но, будучи разбиты монголами, они были вынуждены уйти восвояси.

Поражение войск Алтан-хана в 1147 году стало сильным потрясением для чжурчжэней, и Алтан-хан был вынужден направить в Монголию начальника канцелярии крепости Бяньцзин Сяо Бошоно, приказав ему заключить с ханом улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы) мирный договор. В соответствии с этим приказом Сяо Бошоно встретился с вождями улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы) и договорился о том, что монголам передавались 27 приграничных пунктов, располагавшихся севернее реки Сандин, а также гарантировались ежегодные поставки в их улус в виде даров тележных волов, овец, зерна, гороха и других продуктов...

После смерти Хабул-хана (ок. 1147 г. – А. М.), при его преемниках – Амбагай-хане и Хутуле-хане чжурчжэни, поправ мирный договор, не раз вторгались на территорию улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы), что побуждало монголов отвечать тем же.

С плохо скрываемым упреком в адрес Хабул-хана автор «Сокровенного сказания монголов» пишет о том, что, имея семерых сыновей, Хабул-хан наказал возвести на престол после себя племянника, Амбагая, который возглавлял в то время племя тайчутов, входившее в улус «Хамаг Монгол» (Все Монголы). Это, очевидно, на какое-то время ослабило позиции боржигонов и, наоборот, укрепило позиции тайчутов в улусе. Доподлинно не известны мотивы решения Хабул-хана о передаче власти предводителю тайчутов. Существует мнение, что Хабул-хан, заботясь о сохранении единства улуса «Хамаг Монгол», считал, что именно племя тайчутов, обладавшее в то время значительными людскими и военными ресурсами, сможет стать главной опорой и силой улуса «Хамаг Монгол» в противодействии внешней опасности¹⁰⁵. Так или иначе, благодаря автору «Сокровенного сказания монголов» для нас стало ясно, что вместо принципа единонаследия, действовавшего в «Монгольском улусе»¹⁰⁶, в улусе «Хамаг Монгол», начиная с Хабул-хана, стал применяться принцип престолонаследования по завещанию¹⁰⁷.

Амбагай-хан действительно предпринял важные шаги по укреплению единства улуса, боеспособности его войска. Он даже попытался путем сватовства восстановить нормальные отношения с татарами. Однако те остались верными себе и своему сюзеру, чжурчжэньскому Алтан-хану: *«И был схвачен там Амбагай-хан татарами и выдан Алтан-хану хятанскому (чжурчжэньскому). – А. М.)»*.

И послал тогда Амбагай-хан гонца по имени Балахачи из племени Бэсудэй и заповедал: «Пойди ты к Хутуле, среднему сыну Хабул-хана, приди к Хадан тайши, среднему сыну из десяти сынов моих, и передай им: впредь пусть будет именем моим заказано улуса Хамаг Монгол всем владыкам самим сопровождать их дочерей. Татарами я схвачен здесь».

*Так мстите ж за владыку своего,
Пока все ногти с пальцев не сорвете*

¹⁰⁴ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2, С. 33; Т. 1, кн. 1. С. 103–104. М., НИЦ «Ладомир», 2002.

¹⁰⁵ Далай Ч. «Улус Хамаг Монгол (Все Монголы) (1101–1206 г. г.)» (на монг. яз). У.—Б., 1996. С. 47–48.

¹⁰⁶ Согласно этому принципу единонаследия ханский престол, как правило, передавался от отца старшему сыну.

¹⁰⁷ Этот принцип престолонаследования по завещанию и порядок утверждения на Великом хуралтае кандидатуры хана впоследствии был унаследован Чингисханом.

*И десять пальцев ваших
До конца не обессият!»¹⁰⁸*

На всемонгольском хуралтае был учтен предсмертный наказ Амбагай-хана, и ханом улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы) стал Хутула, сын Хабул-хана; он правил в 40–50 годы XII века.

В результате этого главенствовать в улусе вновь стали боржигины, потомки Хабул-хана. Очевидно, это было связано с ростом авторитета и влияния этого рода и самого Хутулы, а также с раздорами, борьбой за власть среди сыновей Амбагай-хана.

Автор «Сокровенного сказания монголов», рассказывая о тогдашнем противостоянии монголов и татар, с горечью констатирует, что, хотя монголы во главе с Хутулой и пошли *«в пределы татарские, чтобы отомстить им, как было завещано Амбагай-ханом, и бились они с Хотон Барахом и с Жали буха татарскими все тринадцать раз, но так и не смогли отмщением отомстить, воздаянием воздать за хана Амбагая своего»¹⁰⁹*.

Очевидно, что в начале 60-х годов XII века монголы не только не смогли отомстить татарам, но и сами были сокрушены последними, которых «цзиньцы искусно использовали в своих целях, чтобы поскорее избавиться от бесконечных наездов начинавшего расти кочевого народа»¹¹⁰.

Позднее китайский посол империи Южных Сунов Чжао Хун¹¹¹ характеризовал действия цзиньцев против монголоязычных племен в это время следующим образом:

«Через каждые три года отправлялись войска на север для истребления и грабежа (монголов. – А. М.). Это называлось набором (цзянь див, что буквально значит “уменьшение рабов или слуг, рекрутов”) и истреблением людей»¹¹².

Французский востоковед Рене Груссе считал, что «Политике пекинского двора (чжурчжэньского Алтан-хана. – А. М.) вкупе с татарским оружием удалось одержать верх над первым монгольским государством (улусом «Хамаг Монгол» (Все Монголы). – А. М.), и татары стали гегемоном в восточной части Гоби...»¹¹³

Нанесенные монголам поражения не могли не сказаться на внутривосточной ситуации в их улусе, единстве родов и племен его составлявших. Тем не менее и после смерти боржигина Хутула-хана (причина и год смерти неизвестны) единство племен, входивших в состав улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы), в первую очередь, боржигинов и тайчуудов, на какое-то время сохранить все же удалось. И главная заслуга в этом принадлежит отцу Чингисхана, Есүхэй-батору.

¹⁰⁸ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 57.

¹⁰⁹ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников», М.: «Эксмо», 2009, С. 59.

¹¹⁰ Владимирцов Б. Я. «Чингисхан» // Владимирцов Б. Я. «Работы по истории и этнографии монгольских народов». М., ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 147.

¹¹¹ Чжао Хун в 1220–1221 гг. по приказу командующего пограничными войсками державы Южных Сунов был направлен послом в монгольские войска, находившиеся в китайской провинции Хэбэй. Составленная им по результатам этой поездки «Записка о монголо-татарах» («Мэн-да бэй-лу») является самым древним китайским источником по истории Великого Монгольского Улуса эпохи Чингисхана, в котором ее автор попытался отразить многие стороны жизни монголов: историю происхождения и их нынешнее состояние, нравы и обычаи монголов, планирование и организацию военных походов, их оружие и военное снаряжение, иерархию должностных лиц в армии и гражданской администрации в Северном Китае.

¹¹² Чжао Хун. «Записка о монголо-татарах» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 621.

¹¹³ Груссе Рене. «Чингисхан. Покоритель вселенной». М., «Молодая гвардия», 2000. С. 23.

Глава вторая

Родители

«Есүхэй-батор... был ханом-предводителем большинства монгольских племен; его родственники, дяди и двоюродные братья все повиновались ему и единодушно из своей среды возвели его на ханский престол. Мужество и храбрость составляли его свойства, он много воевал с другими монгольскими племенами, особенно с татарами, а также с войском хитайским (Алтан-хана. – А. М.), и, таким образом, его авторитет и слава стали известны повсеместно».

Рашид ад-дин¹¹⁴

*«У нас в повозке каждой девушка сидит,
В возке любом невеста ожидает».*

«Сокровенное сказание монголов»¹¹⁵

Есүхэй родился¹¹⁶ и рос в период пика могущества улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы); он воспитывался и мужал в среде родовой знати; в постоянном общении с Хутулой-ханом и другими могущественными вождями монгольских родов он многому у них научился.

В пору мужской зрелости Есүхэй стал отличаться и в облавных охотах, и в военных походах. Древние источники свидетельствуют о том, что во время боевого противостояния Хутулы-хана с чжурчжэньским Алтан-ханом и татарами Есүхэй также участвовал в этих сражениях во главе войска своего племени и прославился доблестью и победами. Именно благодаря своему героизму его и стали величать Есүхэй-батор (Богатырь Есүхэй. – А. М.)¹¹⁷.

После смерти Хутулы-хана, в период наступившего было безвластия Есүхэй-батору, будущему отцу Чингисхана, было суждено продолжить дело своих высокородных предков и встать во главе улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы).

Путь Есүхэй-батора на царствование в улусе был тернистым: сначала, как свидетельствует «Юань ши»¹¹⁸, он «слил воедино все обочи (роды – А. М.), оставшиеся после отца»¹¹⁹, затем, как пишет Рашид ад-дин, он стал «предводителем и главою племени нирун, старших и младших родственников и родичей своих» и далее, в сражениях с различными монгольскими племенами, «часть из них подчинил себе»¹²⁰.

В 50–60-е годы XII века Есүхэй-батор стал некоронованным ханом улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы). Его верховенство в улусе подтверждают и сообщения древних источников о неоднократной военной помощи Есүхэй-батора вождю хэрэйдов Торил-хану (Ван-хану, Он-

¹¹⁴ Цитируется по изданию: «Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид ад-дина. История Чингиз-хана до восшествия его на престол». СПб, 1868.

¹¹⁵ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 58.

¹¹⁶ Монгольские исследователи называют различные даты рождения Есүхэй-батора: Х. Пэрлээ – 1118, И. Цодол – 1138, Л. Дашням – 1134 г.

¹¹⁷ Мязмарсамбуу Г. «Ханы улуса “Все Монголы”» (на монг. яз.). У.—Б., 2000. С. 146. Предки Чингисхана унаследовали этот обычай у нирун-монголов. Как явствует из «Вэй шу» не только нирунские ханы, но и их сановники «по обычаям жуаньжуаней (нирун-монголов. – А. М.) принимали прозвища (почетные звания: батор – герой; цэцэн – мудрый; мэргэн – меткий стрелок. – А. М.) в зависимости от поступков и способностей...» («Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху». М., «Наука», 1984. – режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/IV/380-400/Vejisu/frameset11.htm>).

¹¹⁸ «Юань ши» – история монгольской династии Юань, царствовавшей в Китае в XIII–XIV вв., была составлена в 1368–1369 гг.

¹¹⁹ «Юань ши» // Храпачевский Р. П. «Военная держава Чингисхана». М., АСТ, 2004. С. 436.

¹²⁰ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 75.

хану). В борьбе Торил-хана со своими братьями за престол хэрэйдском улусе *«Есүхэй-батор принял его сторону и сказал: “Нам нужно вести дружбу с этим человеком” – и стал с ним побратимом (анда).*

В этом положении Хутула-хан сказал (Есүхэю): “Дружба с ним – не доброе дело, поскольку мы его (хорошо) узнали... Этот человек убил своих братьев и кровью их запачкал знамя чести. Теперь он останется (не при чем)... потому-то он и прибег к нашему покровительству”.

Есүхэй-батор не согласился (с этим) и стал с ним (Он-ханом) другом и побратимом. Он напал на Гур-хана (дядю Он-хана. – А. М.) и обратил его в бегство, а улус его отдал Он-хану...

Эркэ-Кара (брат Он-хана – А. М.) убежал и искал защиты у племени найманов; племя найманов оказало ему помощь: отобрало страну (у Он-хана) и отдало ему, а Он-хана прогнали.

Отец Чингисхана вторично оказал помощь Он-хану и, изгнав Эркэ-Кара и опять взяв его место, (занимавшееся) Он-ханом, отдал ему...

Есукхэй-батор – отец Тэмужина – Чингисхана.

В конце концов, царство утвердилось за ним (Он-ханом. – А. М.)»¹²¹.

«Итак, решительное вмешательство Есукхэя Храброго, – писал французский востоковед Рене Груссе, – восстановило Торил-хана на хэрэйдском престоле. В Черном лесу, на (реке) Толе, они присягнули друг другу в вечной дружбе».

¹²¹ Рашид ад-дин. «Сборник летописей». Т. 1, кн. 1. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 127, 131, 130–131.

«В память об оказанной мне тобой услуге, – заявил Торил-хан, – моя вечная признательность распространится на твоих детей и на детей твоих детей. Клянусь горным Небом (Всевышним Тэнгри. – А. М.) и Землей!»

Таковы слова, сделавшие Торил-хана и Есүхэя братьями по клятве, побратимами; слова, которые впоследствии обеспечили сыну второго покровительство первого. И весь начальный период правления Чингисхана, вплоть до 1203 года, прошел под знаком «клятвы, принесенной в Черном лесу... (Таким образом), Есүхэй (об этом слишком часто забывают) заложил основы всей Чингисовой политики, обеспечив союз своего рода с хэрэйдами, без которого, как мы убедимся ниже, блестящая карьера Чингисхана была бы невозможной»¹²².

Древние источники удостоили заслуженного внимания одну из жен Есүхэй-батара¹²³, мать Тэмужина (Чингисхана), – Огэлун. В этой связи прежде всего отметим, что монгольские роды договаривались о взаимном обмене невестами (родовой строй требовал экзогамии: мужчины одного рода должны были жениться на девушках другого рода, не находившегося с ним в близком родстве). *Подобный договор являлся образцом регулятивных начал, формировавшихся в ходе саморганизации догосударственного общества древних монголов*, и определил правила организации семейно-брачных отношений между монгольскими родами и племенами на многие столетия вперед.

¹²² Груссе Рене. «Чингисхан. Покоритель вселенной», М., «Молодая гвардия», 2000. С. 31; 26.

¹²³ ...одну из жен Есүхэй-батара... – Это известие указывает на существование в эпоху Чингисхана полигамии – обычая, широко распространенного среди кочевых народов Азии, начиная с хунну, которые не ограничивали себя количеством жен.

Огэлун – мать Тэмужина – Чингисхана.

Однако в смутные времена войн и набегов, дабы не подвергать себя риску дальних поездок за невестами, монголы не брезговали и их умыканием, в первую очередь, из племен, с которыми они враждовали, как это сделал с помощью братьев Есухэй-батор: *«Охотившийся в*

ту пору за птицей Есүхэй-батор повстречался с Их чилэду из племени мэргэд, который, взяв в жены девушку из племени олхунуд¹²⁴, возвращался теперь восвояси.

Есүхэй-батор заглянул в возок и увидел в нем чудесной красоты девушку. Он тут же поскакал домой, позвал с собой старшего брата Нэхун тайши и младшего брата Даридаю, и они втроем бросились вдогонку за Их чилэду.

Завидев конную погоню, убоялся Их чилэду, стеганул своего каурого коня по ляжкам и поскакал прочь по склону горы. Трое преследователей, скача друг за дружкой, не отставали. Их чилэду обогнул сопку и возвратился к возку, в котором его ожидала жена.

Огэлун ужин воскликнула тогда: «Ты понял, что замыслили те трое?! Уж слишком подозрительны их лица. С тобой они расправиться хотят. Любимый, коли в здравии ты будешь, жену себе достойную отыщешь. У нас в повозке каждой девушка сидит, в возке любом невеста ожидает. А коли будешь тосковать по мне, ты именем моим другую суженую назови. Сейчас подумай о себе. Вдохни мой запах на прощанье и тотчас прочь скачи».

С этими словами Огэлун сняла свою нательную рубашку и подала ее Их чилэду. Когда он нагнулся с коня и взял ее, из-за холма показались трое преследователей. Их чилэду стеганул по ляжкам своего каурого коня и умчался прочь в сторону реки Онон.

Семь перевалов перевалили трое его преследователей, пока гнались за ним. Да так и не догнали, отступились, повернули назад к возку. И взяли они Огэлун и повезли. Есүхэй-батор вел на поводу ее лошадь, старший брат его Нэхун тайши ехал впереди всех, а младший – Даридай следовал сбоку. И возопила тогда Огэлун:

*“За что, скажи, за что, мой Чилэду,
Всеvyšний Тэнгри шлет такую нам судьбу-беду!
Тебе – в степи широкой голодать,
Скитаться у ветров на поводу.
А мне где косы расплести-сплести?
Куда же без тебя я побреду?!”*

И стенала она так, что река Онон вздыбилась волнами, а бор лесной заколыхался, будто от ветра. Даридай отчигин уещал Огэлун:

*“Кого ты ласкала, кого обнимала,
Тот ныне на той стороне перевала.
По ком убиваешься ты и рыдаешь,
Уже пересек рек и речек немало.
Стенай не стенай, он тебя не услышит,
Дорогу к нему ты бы не разыскала;
Ни тени его, ни следа не увидишь,
И лучше бы было, чтоб ты замолчала”.*

*И привез Есүхэй-батор Огэлун в дом свой и женою сделал своею»*¹²⁵.

Монгольский ученый Л. Дашням подметил главное в характере Огэлун, будущей матери Тэмужина-Чингисхана: «В тот момент Огэлун неимоверным усилием воли и твердой решимости»

¹²⁴ Племя олхунуд – ответвилось от племени хонгирад; эти родственные племена кочевали поблизости от т. н. «Новой стены» («Внешней стены». – А. М.), воздвигнутой цзиньцами на северо-восточных границе с монгольскими племенами в целях обороны от набегов последних.

¹²⁵ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 58–59. Поэтический перевод Г. Б. Ярославцева.

мостью уберечь мужа от неминуемой смерти убедила его спасаться бегством, а сама осталась покорно ожидать своей участи. И хотя ее душу терзали страшная боль и страдание, в тот самый миг она явила миру истинно женское благородство и святость. Она, только-только нашедшая желанного спутника жизни и осознавшая свой долг перед ним, теперь должна была последовать за другим человеком. Понимая всю постыдность своего теперешнего положения, она выплеснула наружу, в этот “бездушный” мир всю свою боль и отчаяние...

Есухэй-батор и Огэлун с новорожденным Тэмужином. Современная настенная живопись. Мемориал Чингисхана в Ордосе (КНР)

Так нашел свое реальное воплощение “неписанный” закон Степи, и в анналах истории был равнодушно засвидетельствован факт того, что “*Есухэй-батор взял себе в жены Огэлун уэжин*”.

Но те же исторические хроники повествуют нам и о том, что Огэлун смирилась с постигшей ее участью; они рассказывают, какой прекрасной супругой и великой, благотельной матерью она стала. Эта женщина, породившая великих ханов и полководцев Монголии, несомненно, является одной из тех великих людей, которыми писалась история Монголии»¹²⁶.

Недолгая совместная жизнь Есухэя и Огэлун не помешала последней быстро привыкнуть к новому мужу и его семье, родить ему пятерых детей, а для Есухэй-батара, оценившего ее

¹²⁶ Дашням Л. «Есухэй-батор». Историческое эссе» (на монг. яз.). У.—Б., 2002. С. 116–117.

преданность и домовитость, она стала главной, первой из его жен, детям от которой он отдавал предпочтение.

Но Есухэй-батор, умыкнув Огэлун, не только приобрел любимую жену, но и нажил себе и своему роду заклятых, непримиримых врагов в лице мэргэдов, из которых был первый муж Огэлун. Плоды этого поступка отца было суждено пожинать его сыну, Тэмужину-Чингисхану, через 20 лет...

Глава третья

Рождение и первые годы жизни Тэмужина-Чингисхана (1162–1171 гг.)

«Чингисхан явился на свет под счастливым предзнаменованием: он держал в ладони правой руки небольшой кусок запекшейся крови; на его челе обнаруживались знаки завоевателя и самодержца мира, его лицо излучало сияние счастливой судьбы и полновластия».

Рашид ад-дин¹²⁷

В 1162 году Есүхэй-батор, оставив дома Огэлун, выступил на очередную войну с татарами. Он оказался удачливее своих предшественников: его воинству удалось не только отбить наступление татарских племен, но и пленить их знатных воевод – Тэмужин Угэ и Хори буха.

С этой долгожданной для монголов победой совпало и другое знаменательное событие – рождение его и Огэлун первенца, которому он дал имя Тэмужин. Все древние источники возвестили об этом событии:

«В свое время Есүхэй-батор был предводителем и главою племени нирун, старших и младших родственников и родичей (своих). Между ним и государями и эмирами других племен... установилась вражда и ненависть, а в особенности (между ним, Есүхэем, и) племенами татар. Есүхэй-батор сражался и воевал с большинством тех племен и часть (из них) подчинил (себе)...

В году свиньи, который был годом рождения Чингисхана¹²⁸, Есүхэй-батор выступил на войну с татарами. Его жена Огэлун-эхэ (матушка Огэлун. – А. М.) была беременна Чингисханом.

Государями татар были Тэмүжин угэ и Хори буха. Есүхэй-батор дал им сражение, сокрушил и покорил (их). Он вернулся назад победителем и победоносным, а их жилища, табуны и стада предал разграблению. (Затем) он соизволил остановиться в местности, называемой Дэлун болдог¹²⁹.

Спустя некоторое время, в упомянутом году под счастливым предзнаменованием появился на свет Чингисхан. Он держал в ладони правой руки небольшой сгусток запекшейся крови, похожий на кусок ссохшейся печени. На скрежзали его чела (были) явными знаки завоевания вселенной и миродержания, а от его лика исходили лучи счастливой судьбы и могущества»¹³⁰.

¹²⁷ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2, М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 75.

¹²⁸ В ...году свиньи, который был годом рождения Чингисхана... – По версии Рашид ад-дина, Чингисхан родился в год свиньи, который длился с 28 января 1152 по 26 февраля 1153 года. Тем не менее Рашид ад-дин констатирует: «Так как во времена Чингисхана и его отца астрологи не умели определять дня и месяца (этого, то) час и день его (Чингисхана) рождения достоверно не известны» (Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2, М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 74).

¹²⁹ ...в местности, называемой Дэлун болдог. – В настоящее время большинство монгольских ученых сходятся во мнении, что местность Дэлун болдог, о которой повествуют наши источники, ныне именуется Ламын ухаа (или Хурээ ухаа) и находится на территории нынешнего Биндэр сомона Хэнтэйского аймака на северо-востоке современной Монголии.

¹³⁰ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2, М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 75.

Памятный камень, установленный в долине Дэлун болдог (Хэнтэйский аймак, Монголия) на предполагаемом месте рождения Тэмужина-Чингисхана.

История рождения Тэмужина-Чингисхана овеяна многочисленными легендами. В частности, примечательны слова Чингисхана, с которыми он впоследствии (в период их противостояния) обратился к сыну Торил-Ван-хана, Сэнгуму: *«Родился я в “отцовском дэле (халате. —*

А. М.)», достойным сыном своего отца. Ты ж, как все смертные, на этот свет нагим явился...»¹³¹

По мнению монгольского ученого Ч. Далай, Чингисхан намекает на свое необыкновенное рождение «в околоплодном пузыре». Это крайне редкое явление считается у монголов добрым предзнаменованием; существует специальный ритуал извлечения плода, когда отец новорожденного разрывает околоплодный пузырь золотым или серебряным перстнем, надетым на палец¹³².

Выбор Есухэй-батора имени Тэмужин определил древний тюркско-монгольский обычай «нарекать имена по наиболее бросающемуся в глаза явлению при рождении»¹³³ ребенка. И поскольку «у Есухэй-батора случилась победа над татарами и покорение их государя Тэмужин угэ, происшедшее около этой поры, и он одержал победу над врагом, (то) сочтя этот случай за счастливое предзнаменование, он нарек свое царственное дитя Тэмужином по имени государя татар, о котором упоминалось»¹³⁴.

Наверняка родители, давая сыну это имя, вкладывали в него и более глубокий смысл. Как считают некоторые исследователи этимологии этого имени, оно происходит от тюркско-монгольского корня «темур» (железо), а это роднит его со словом «кузнец», что в переносном смысле может означать «человек железной воли»¹³⁵.

А вот американский ученый Джек Уэзенфорд подметив, что имена трех детей Есухэй-батора и Огэлун являются однокоренными (это до сих пор в традиции монголов), утверждает, что все эти три имени (Тэмужин, Тэмугэ и Тэмулун) производны от корня «тэмул»¹³⁶, в современном монгольском языке означающего «рваться, устремляться, стремиться вперед, вырываться».

Что ж, с фонетической точки зрения оба толкования могут быть признаны справедливыми. И тогда факторов, побудивших Есухэй-батора назвать первенца именем Тэмужин становится сразу несколько, и тем весомее и значительней был смысл, который, вероятно, вкладывал отец, нарекая своего сына, впоследствии выковавшего в себе железную волю и устремившегося вперед к достижению своих замыслов.

О дате рождения Тэмужина (Чингисхана) также существуют различные мнения. Прежде всего, нет единодушия в этом вопросе у авторов древних летописей, по свидетельствам которых современные ученые остановились на трех основных версиях: 1155, 1162 и 1167 гг.

«Приблизительность» датировки этого и всех последующих событий в истории монголов вплоть до 1201 года автор «Мэн-да бэй-лу» («Записка о монголо-татарах») Чжао Хун объясняет тем, что «у них (монголов. – А. М.) в обиходе... сначала не было шестидесятилетнего цикла... По их обычаю, (они) каждый раз отсчитывали один год, когда зеленеют травы»¹³⁷.

Судя по времени написания записок Чжао Хуном (1221 г. – А. М.), этот «фенологический» календарь существовал у монголов и в первой четверти XIII века, хотя уже в самом начале этого века (об этом свидетельствует «Сокровенное сказание монголов») монголы перешли на циклический календарь.

«Фенологический календарь, – писал Л. Н. Гумилев, – употребляется этносами, непосредственно связанными с природой, но игнорирующими историю. Для этого восприятия вре-

¹³¹ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 138.

¹³² Далай Ч. «Великий Монгольский Улус (1206–1260 гг.)» (на монг. яз.). У.—Б., 1994. С. 40.

¹³³ Владимирцов Б. Я. «Чингисхан» // Владимирцов Б. Я. «Работы по истории и этнографии монгольских народов». М., ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 148.

¹³⁴ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2, М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 75.

¹³⁵ Груссе Рене. «Чингисхан. Покоритель вселенной». М., «Молодая гвардия», 2000. С. 34.

¹³⁶ Уэзенфорд Джек. «Чингисхан и рождение современного мира». М., издательство «АСТ», 2005. С. 70.

¹³⁷ «Мэн-да бэй-лу». М., издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 114–117. Чжао Хун имеет в виду цикл летоисчисления в шестьдесят лет в лунном (циклическом) календаре.

мени достаточно постоянная повторяемость, а не линейная протяженность. Но как только людям требуется осознание себя во времени, с последовательностью событий, они вводят либо линейный счет по правителям, либо циклический календарь. То и другое говорит о переходе от гомеостаза к динамическому развитию. У монголов этот переход состоялся в конце XII века»¹³⁸.

Чаще всего (и в первую очередь, признанными монгольскими учеными Ш. Нацагдоржем, Н. Ишжамцем, Х Пэрлээ, Ч. Далаем) годом рождения Чингисхана называется год черной лошади – 1162 год. В нашем повествовании именно этот год и будет являться точкой отсчета, определяющей дальнейшую датировку событий жизни нашего Героя.

Чингисхан был не единственным ребенком Есухэй-батара и Огэлун. *«От Огэлун ужин родилось у Есухэй-батара четверо сыновей – Тэмүжин, Хасар¹³⁹, Хачигун¹⁴⁰ и Тэмүгэ¹⁴¹. И родилась у них дочь, и нарекли ее Тэмүлун. Когда Тэмүжину исполнилось девять лет, Жочи хасару было семь, Хачигун элчи – пять, Тэмүгэ отчигину – три года; Тэмүлун и вовсе лежала в люльке»*¹⁴².

По поводу других детей Есухэй-батара и Огэлун Рашид ад-дин сообщает следующее:

«Второй сын был Жочи хасар. Жочи – имя, а значение (слова) хасар – хищный зверь. Так как он был (человеком) весьма сильным и стремительным, то стал обозначаться этим эпитетом.

¹³⁸ Гумилев Л. Н. «Древняя Русь и Великая степь». М., АСТ, 2000. С. 436–437.

¹³⁹ Хасар (Жочи хасар) – родился, судя по свидетельству «Сокровенного сказания монголов», в 1164 году; в зрелые годы он в основном «находился в союзе и был единомышленным» с Чингисханом; в периоды охлаждения отношений между братьями, которое изредка случалось, восстановить братский союз помогали их мать, Огэлун, а также ближайшие родичи и сподвижники.

¹⁴⁰ Хачигун – судя по сведениям «Сокровенного сказания монголов», родился в 1166 году; по свидетельству Рашид ад-дина, Хачигун «пользовался большим значением, (преемники Чингисхана. – А. М.) Угэдэй, Мунх-хан и Хубилай-хан всегда им дорожили... и советовались в важных делах».

¹⁴¹ Тэмүгэ отчигин – судя по сведениям «Сокровенного сказания монголов», родился в 1167 году; по свидетельству Рашид ад-дина, Тэмүгэ отчигин верой и правдой служил Чингисхану и его преемнику Угэдэй-хану. После смерти последнего и захвата власти женой покойного Туракиной хатун Тэмүгэ отчигин попытался отстранить ее от власти. Однако вскоре возведенный на великоханский престол Гуюг-хан обвинил Тэмүгэ отчигина в противозаконной попытке захвата власти и после суда его казнили (Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 119).

¹⁴² «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 61.

Огэлун, мать Тэмужина-Чингисхана, беседует с детьми. Современная панорама. Государственный музей города Хух-хот (КНР)

Говорят, что его плечи и грудь были так широки, а талия до такой степени тонка, что, когда он лежал на боку, собака проходила под его боком; сила же его была такова, что он брал человека двумя руками и складывал (его) пополам, как деревянную стрелу, так что его хребет переламывался...

Третий сын – Хачигун. Он имел много жен и сыновей, но заместителем (наследником. – А. М.) его стал Элжидэй...

Четвертый сын – Тэмүгэ отчигин. Тэмүгэ – имя, а отчигин – значит “господин огня и юрта”, младшего сына называют “отчигин”; ему (Тэмүгэ) именем собственным стало Отчинойон, и он известен под этим (именем)...

Среди монголов Отчинойон отличался (своей) большой любовью к строительству, и везде, куда ни приходил, он строил дворцы и загородные дворцы и (разбивал) сады.

*Чингисхан любил его больше других братьев и сажал выше всех старших братьев...*¹⁴³

Автор «Золотого изборника» («Алтан товч»), монгольский летописец Лувсанданзан упоминает Сочигэл эх, вторую жену Есухэй-батара, от которой у Есухэй-батара было двое сыновей – Бэгтэр и Бэлгудэй¹⁴⁴.

* * *

Описание процесса мировоззренческого становления нашего Героя мы начали с рассказа об источниках происхождения его мировоззрения: новых формах и условиях хозяйственной деятельности и социальной жизни родоплеменного общества монгольских скотоводов-кочевников XII века.

Но поскольку мировоззрение – это не только содержание, но и способ познания окружающей действительности, далее мы расскажем о том, «в каком духе» воспитывались дети Есухэй-батара и Огэлун, и в частности, Тэмужин, и каким образом формировалась система взглядов нашего Героя на окружающую действительность и его место в ней.

Представление об этом дают сведения, содержащиеся в уже не раз цитированном «Сборнике летописей» Рашид ад-дина, а также в записках китайских послов-шпионов Чжао Хуна, Пэн Да-я и Сюй Тина¹⁴⁵ и европейских христианских миссионеров Плано Карпини, Вильгельма де Рубрука¹⁴⁶, посетивших Великий Монгольский Улус в первой половине XIII века.

¹⁴³ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 51–56.

¹⁴⁴ Лувсанданзан. «Алтан товч» («Золотой изборник») (на монг. яз.). У.—Б., 2006. С. 21. Широкое распространение полигамии у монголов подтверждает посланный в 1246 году в Великий Монгольский Улус папой римским Иннокентием IV христианский миссионер Плано Карпини: «Жен же каждый (монгол. – А. М.) имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше...» (Карпини Плано. «История монголов». М., ООО «Литео», 2014. С. 5).

¹⁴⁵ Участники южно-сунских дипломатических миссий в Великий Монгольский Улус – Пэн Да-я (1233 г.) и Сюй Тин (1235 г.) объединили свои отчеты о поездках в Монголию в одно сочинение и назвали его «Краткими сведениями о черных татарах» («Хэй-да ши-люэ»). Их совместный отчет состоял как из страноведческой информации, так и сведений чисто военного характера. Однако помимо этой информации, в «Кратких сведениях...» Пэн Да-я и Сюй Тина содержалось много известий о повседневной жизни, хозяйстве и быте монголов, их традициях и обычаях, религиозных воззрениях (Пэн Да-я и Сюй Тин. «Краткие сведения о черных татарах» («Хэй-да ши-люэ») // Баясах Ж. «Два китайских источника, связанных с историей Великого Монгольского Улуса» (на монг. языке). У.—Б., 2006. С. 261).

¹⁴⁶ Путевые заметки Джованни дель Плано Карпини «История монголов» (совершил путешествие в Монголию в 1245–1247 гг.) и Гильома де Рубрука «Путешествие в восточные страны» (осуществил путешествие в Монголию в 1253–1255 гг.) стали бесценными свидетельствами эпохи Чингисхана и его ближайших потомков. Хотя возложенная на Плано Карпини и Гильома де Рубрука миссия «просвещения монголов светом веры Христовой» оказалась невыполнимой, их путешествия к монголам с точки зрения сбора новых географических, этнографических, военных и, конечно, правовых сведений об этом народе следует признать очень успешными.

Чжао Хун отнюдь не для красного словца написал о том, что монгольские воины *«рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы [они] каждый день гонятся и охотятся. [Это] и есть их средство к существованию...»*¹⁴⁷

Пэн Да-я развил мысль своего соотечественника Чжао Хуна, а христианский миссионер Плано Карпини, побывавший в Монголии вслед за Пэн Да-я, подтвердил наблюдения последнего:

*«...Монголы укладывают младенца в колыбель, которую надежно приторачивают к седлу коня его матери, и таким образом ребенок сопровождает свою мать, куда бы та ни отправилась. Трехлетнего ребенка монголы привязывают к седлу, дают в руки повод, и он скачет вместе со всеми. В возрасте четырех-пяти лет, дав в руки ребенка маленький лук и короткую стрелу, его начинают обучать стрельбе из лука. И уже через некоторое время подросший ребенок регулярно отправляется вместе со всеми на облавную охоту...»*¹⁴⁸

*«...Дети их (монголов. – А. М.), когда им два или три года от роду, сряду же начинают ездить верхом и управлять лошадьми... Им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы»*¹⁴⁹.

Несомненно, Тэмужин в детстве прошел под руководством отца подобное обучение и не раз участвовал в облавных охотах. Именно с этими своего рода «военными сборами и маневрами» были связаны, пожалуй, самые примечательные и запоминающиеся ощущения его детства.

Следующим, обязательным компонентом воспитания монгольских детей той эпохи было *«наставление в [знании] родословия каждого появившегося на свет ребенка»*. В те далекие времена, когда знание истории предков считалось священным для каждого члена племени, человек, не знавший своей родословной, сравнивался с *«обезьяной, блуждающей в лесу»*. Из поколения в поколение старейшины рода – сродникам, родители – детям передавали как самое дорогое наследство историю своего рода-племени. Персидский историк Рашид ад-дин писал об этом: *«Обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат, и наставляют в [знании] родословия каждого появившегося на свет ребенка. Таким образом, они делают собственностью народа слово о нем, и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени и происхождения»*¹⁵⁰.

Вот и юный Тэмужин услышал от родителей *«старопрежние»*, *«стародедовские»* притчи, *«истины седые»* – древние предания, мифы и легенды, узнал из них о своей родословной, о своем *«прародителе Бортэ чоно, который был рожден с благоволения Всевышнего Тэнгри»*, а также о *«сыне Всевышнего Тэнгри»* Бодончаре, которому по воле Небесного Владыки было суждено стать родоначальником *«золотого»* – ханского рода, *«владычествовавшего над всеми»*. Таким образом, именно в этих легендах впервые ясно было изложено с позиций тэнгрианства, т. е. культа Тэнгри шаманизма древних кочевников, о *«небесном мандате»* рода хиад-боржигин на ханскую власть¹⁵¹.

Крупнейший историк русского зарубежья, один из основателей евразийства Г. В. Вернадский по поводу влияния *«слов предков сокровенных»*, и в частности, *«Легенды об Алан гоо»* на *мировосприятие* юного Тэмужина писал: *«Теперь перед нами стоит задача – определить, когда легенда о сверхъестественном рождении трех последних сыновей Алан гоо была введена в монгольскую генеалогию. Было ли это после того, как Тэмужин стал императором (Великим ханом. – А. М.), или же до того? Этот вопрос имеет отношение к духу и психологии Тэмужина.*

¹⁴⁷ Чжао Хун. «Полное описание монголо-татар» (Мэн-да бэй-лу). – режим доступа: <http://www.vostlit.info>.

¹⁴⁸ Ж. Баясах. «Два китайских источника, связанных с историей Великого Монгольского Улуса» (на монг. яз.). У.—Б., 2014. С. 217.

¹⁴⁹ Карпини Плано. «История монголов». М., ООО «Литео», 2014. С. 15.

¹⁵⁰ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 13.

¹⁵¹ Там же. С. 8.

Если мы полагаем, что легенда была частью монгольской традиции до его рождения, то *мы должны признать ее полное влияние на ум (мировосприятие. – А. М.) мальчика Тэмүжина. В этом случае легенда должна была послужить одним из оснований веры Тэмүжина в его великую судьбу.*

Хотя вопрос не может получить точного ответа, простой факт того, что два других ее сына также по преданию были рождены сверхъестественным путем, служит свидетельством создания легенды задолго до прихода Тэмүжина на императорский трон и, возможно, задолго до его рождения»¹⁵².

В системе воспитания монгольских детей в эпоху Чингисхана трудно переоценить роль традиционных верований древних монголов – тэнгрианства или небопочитания, являвшегося фундаментальной концепцией народной религии древних обитателей Монголии – шаманизма¹⁵³. Именно культ Всевышнего Тэнгри определял отношение монголов к окружающей их действительности, к самим себе¹⁵⁴.

Древние монголы, и эта мысль главенствует в их мифологии и шаманизме, почитали Вечное Синее Небо как верховное божество – Всевышнего Тэнгри или Небесного Владыку, дарующего жизнь, одушевляющее все живое, управляющее миром и руководящее делами человека, посылающего на землю своего избранника, которому суждено быть вершителем великих дел.

Именно об этом поведали родители Тэмүжина-Чингисхана, рассказывая ему легендарную генеалогию его «золотого» рода хиад-боржигин, благодаря чему у юного Тэмүжина началось формирование *религиозно-мифологического мировоззрения с культом Всевышнего Тэнгри и Матери-Земли*¹⁵⁵.

По мнению известного представителя евразийского движения, калмыцкого ученого Э. Хара-Давана¹⁵⁶, характерной особенностью религиозно-мифологического мировоззрения монголов эпохи Тэмүжина-Чингисхана было то, что *«веру исповедовали не только формально, но и претворяли ее в свою повседневную жизнь, так что религия вошла в быт, а быт в религию (выделено мной. – А. М.)»*¹⁵⁷.

Подтверждением тому являются известия современников Чингисхана, которые засвидетельствовали, что для монголов эпохи Чингисхана все происходящее вокруг совершалось по воле Всевышнего Тэнгри и благодаря дарованным им Небесным Владыкой жизненным силам.

Так, посол императора Сунской династии, китаец Чжао Хун, побывавший у монголов в 1221 году, в своей «Записке о монголо-татарах» отмечал, что *«...они (монголы) непременно поклоняются Небу (Всевышнему Тэнгри – А. М.)... Они обыкновенно весьма чтут Небо*

¹⁵² Вернадский Г. В. «Монголы и Русь». «Лан», Тв., «Аграф», М., 1997. С. 27.

¹⁵³ «Согласно шаманизму, Тенгери (Всевышний Тэнгри. – А. М.) как нечто, отвлеченное понятие, подобное Богу, представляет собою высшее мужское начало, управляющее всеми природными и социальными явлениями в мироздании, в то время как Земля является подчиненным женским началом (по-монгольски – эцэг Тенгери [Отец Тенгери] и эх газар [Мать-Земля])» (Бира Ш. Журнал: Век глобализации. Выпуск № 1/2009).

¹⁵⁴ «Все воззрения и суждения древних монголов определялись шаманизмом, традиционной верой кочевников. А культ Вечного Всевышнего Тэнгри или тэнгрианство был достаточно хорошо развитым отвлеченным понятием шаманизма... Все древние монголы почитали Вечного Тэнгри как подобную Богу высшую сверхъестественную силу... На основе тэнгрианства последовательно сформировались несколько элементарных концепций, в частности, самая древняя из политических идей монголов – концепция небесного происхождения и характера ханской власти... В дальнейшем именно этот культ определил основы политической идеологии монгольских ханов» (Ш. Бира. «Монгольский тэнгэризм и тэнгэризация» // «Чингисхан в мировой истории. Сборник статей». У.—Б. 2012. С. 8–9).

¹⁵⁵ О культе Всевышнего Тэнгри и Матери-Земли в монгольской мифологии можно подробно прочесть в книге: Дулам С. «Образы монгольской мифологии» (на монг. яз.). У.—Б., 2009. С. 57–113.

¹⁵⁶ Эренжен Хара-Даван (1883–1942) – калмык по национальности, выпускник Петербургской Военно-медицинской академии; оказавшись в рядах оппозиции советской власти, эмигрировал в Европу; представитель раннего евразийства, сторонники которого отстаивали геополитическую преемственность Московской Руси от Золотой орды (Эренжен Хара-Даван. «Чингисхан. Великий завоеватель». М.: Вече, 2008, С. 23).

¹⁵⁷ Хара-Даван Э. «Чингисхан. Великий завоеватель». М., Вече, 2008. С. 107.

и Землю; во всяком деле упоминают о Небе (т. е. призывают Небо в свидетели) ...говоря, такова воля Неба»¹⁵⁸.

В путевых заметках двух других послов Южно-Сунской державы Пэн Да-я и Сюй Тина мы читаем: «Когда они хотят сделать (какое-либо) дело, то говорят: “Небо (Всевышний Тэнгри. – А. М.) учит так”. Когда же они уже сделали (какое-либо) дело, то говорят: “(Это) знает Небо!” (У них) не бывает ни одного дела, которое не приписывалось бы Небу (Всевышнему Тэнгри. – А. М.). Так поступают все...»¹⁵⁹

Плано Карпини, направленный во второй половине 40-х годов XIII века папой римским к монголам в качестве полномочного представителя¹⁶⁰, в своей «Истории монголов» подтверждает наблюдения предшественника: «Они (монголы) веруют в единого Бога (Всевышнего Тэнгри. – А. М.), которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений...»¹⁶¹

Анонимный грузинский автор XIII в. свидетельствовал: «Религия их состояла в поклонении единому, вечному Божеству. Молясь ему, они обращались лицом к востоку, три раза становились на колени и кланялись. А, кроме того, щелкали средним пальцем по ладони и более ничего. Бога на своем языке называли Тэнгри. Всякое послание начинали они словами: “Мангу Тенгри Кучундур”, то есть: “Силою Вечного Тэнгри”»¹⁶².

Думается, после этих свидетельств современников Чингисхана постоянное обращение нашего Героя к Всевышнему Тэнгри будет восприниматься читателями как воссозданная авторами древних летописей подлинная духовная атмосфера той эпохи.

Именно в такой атмосфере проходил процесс мировоззренческого становления Тэмужина-Чингисхана, важнейшие элементы которого, помимо условий материальной и социальной жизни общества монгольских кочевников XII–XIII вв., определили, во-первых, поведенная его родителями легендарная генеалогия («классификационное родство»), в которой обосновывалось «небесное избранничество» его прародителей, в первую очередь, его «золотого рода» – хиад-боржигин, а значит, и его самого; во-вторых, традиционные верования монголов – *тэнгрианство*, «претворенное» в повседневном быту монголов; и, наконец, в-третьих, *социальные нормы* регулятивной системы родоплеменного общества древнемонгольских кочевников, находившие свое выражение в пришедших из глубины веков мифах, традициях, обычаях, ритуалах, обрядах и регулировавшие в Монгольском улусе, а затем и в улусе «Хамаг Монгол» (Все Монголы) за неимением законов¹⁶³ взаимоотношения между сородичами.

Помимо указанных выше факторов, на процесс мировоззренческого становления Тэмужина несомненно повлияли случившиеся тогда в жизни его семьи события. В череде этих событий особое место занимает происшествие, которое закончилось трагично и для его отца Есухэй-батара, и для всей семьи.

¹⁵⁸ «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 625.

¹⁵⁹ Пэн Да-я и Сюй Тин. «Краткие сведения о черных татарах». – режим доступа: <http://www.vostlit.info>.

¹⁶⁰ Джованни дель Плано Карпини (нач. 1180 – не позднее 1252) – католический миссионер-францисканец, направленный к монголам папой римским Иннокентием IV. История и результаты совершенного Плано Карпини дипломатического путешествия в Монголию в 1245–1247 гг. были описаны папским легатом в подробном отчете, именуемом им самим «Книгой о Татарах» (в русском переводе «История монголов». – А. М.) (Карпини Плано. «История монголов». СПб., ООО «Литео», 2014. С. 5, 7–11; 14–15; 21–22, 24, 27, 35).

¹⁶¹ «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 647.

¹⁶² «Ордынский период. Голоса времени». М., ООО «Издательство АСТ», 2016. С. 301. (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»).

¹⁶³ В детские и юношеские годы Тэмужина не было писаных законов, но по-прежнему использовались социальные нормы старой регулятивной системы, многие из которых так же, как и родословные, передавались монголами из поколения в поколение, дошли до эпохи Чингисхана; некоторые из них, как «дурные обычаи», были им отменены, другие были переняты им и его соратниками и вместе с «положенными им самим похвальными обычаями» использованы при формировании «Книги Великой Ясы».

«Когда исполнилось Тэмужину девять лет, Есүхэй-батор отправился вместе с ним к родичам жены – олхунудам сватать сыну невесту», – так автор «Сокровенного сказания монголов» начал описание традиционного для монголов ритуала сватовства и последовавших за ним событий.

Следует напомнить, что «древний монгольский род был экзогамным, почему члены одного и того же рода не могли вступать в брак с девушками того же рода, а должны были жениться обязательно на женщинах из других не родственных родов...

Монгольский род был агнатным, т. е. члены каждого рода вели свое происхождение от одного общего предка (ebuge). Но так как роды росли и разветвлялись, то оказалось, что ряд родов (obox) вел свое происхождение от одного и того же ebuge – предка... Брак между членами таких родов не допускался тоже, так как все они считались кровными, агнатными, – сказали бы мы, – родственниками, принадлежащими к одной кости (yasun)... Поэтому... все роды-obox, которые считали своим предком Bodoncar'a (Бодончара. – А. М.), признавались кровными родственниками, принадлежащими к одной кости-yasun, и должны были брать в жены девушек из родов другой кости»¹⁶⁴. И чем дальше друг от друга находились кочевья этих родов, тем было лучше. Поэтому неслучайно среди монголов бытовала такая поговорка: *«Хорошо, когда колодец находится поблизости; хорошо, когда будущие свойственники живут далеко»*.

Заметим, что Есүхэй-батор отправился сватать сыну невесту к родичам жены – олхунудам, которые ответвились от племени хонгирад¹⁶⁵; эти родственные племена кочевали поблизости от так называемой «Новой стены» или «Внешней стены», воздвигнутой цзиньцами на северо-восточных границе с монгольскими племенами в целях обороны от набегов последних.

А между племенем хонгирад и племенами нирун-монголов издревле, со времен Хабулхана, жена которого была хонгирадка, существовал нерушимый *клятвенный договор*, в соответствии с которым знатные юноши боржигинов брали в жены девушек-хонгирадок, а высокородные дочери выдавались замуж за хонгирадских юношей. Поэтому неудивительно, что Дэй сэцэн из рода хонгирад отнесся столь радушно к случайно повстречавшемуся ему вождю хиад-боржигинов Есүхэй-батору и его малолетнему сыну Тэмужину: *«Сват Есүхэй, куда путь держишь?» – спросил Дэй сэцэн*¹⁶⁶.

«У олхунудов, родичей жены, хочу посватать я невесту сыну», – ответил Есүхэй.

«Мне люб твой сын, – Дэй сэцэн молвил. – У отрока в глазах огонь, и ликом светел он.

*Сват Есүхэй, поверишь, прошлой ночью сон удивительный привиделся мне вдруг: как будто птица, белый сокол, в когтях неся луну и солнце, спустилась на руки ко мне. Другим уже я говорил: “То – доброе знамение судьбы!” И вдруг приехал вместе с сыном ты! Сну моему не это ль изъяснение. Да сон ли это был?! То – знак во сне явившегося гения-хранителя хиадов*¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Владимирцов Б. Я. «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. «Работы по истории и этнографии монгольских народов». М., ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 341–343.

¹⁶⁵ Племя хонгирад относилось к дарлигин-монголам, то есть было из рода тех двух человек, которые пошли в Эргүнэ-кун. Интересно, что Рашид ад-дин, рассказывая о выходе древнемонгольских племен из Эргүнэ-кун, впервые упомянул об «общественном порицании, что характерно для морали» в отношении именно племени хонгирад, которое «не сговорившись с другими, первым спешно вышло из Эргүнэ-кун, при этом повергнув под ноги очаги других племен» (Рашид ад-дин. «Сборник летописей» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 50). В XII веке племя хонгирад кочевало между реками Аргунь и Халхин-гол, вблизи впадения последней в озеро Буйр-нур.

¹⁶⁶ «Сват Есүхэй, куда путь держишь?» – спросил Дэй сэцэн. – Обращение «сват» свидетельствовало о том, что, во-первых, они встречаются не в первый раз и, во-вторых, о том, что хонгирады ранее «брали девушек из племени Чингисхана, а в его (род) давали [своих]» (Рашид ад-дин).

¹⁶⁷ ...То – знак во сне явившегося гения-хранителя хиадов... – «Хиад» – одна из главных, коренных родовых групп, давших начало улусу «Хамаг Монгол» (Все Монголы); одним из их тотемных символов, изображавшихся на монгольских знаменах, был белый сокол.

Есүхэй-батор сосватал сыну Тэмүжину невесту Бортэ. Современная настенная живопись. Мемориал Чингисхана в Ордосе (КНР).

*Мы, хонгирады, исстари
Чужие земли и народы не воюем;
Мы дочерей светлоликих милуем,
Статью, красой не заблещут покуда.
Черного мы запрягаем верблюда,
Деву в возок-одноколку посадим,
С ласкою в ханскую ставку спровадим.
Из хонгирадского рода невеста
С ханом поделит высокое место...*

У хонгирадов издревле пригожестью пленяли девы, блистали наши жены красотой; со славой этой из поколенья в поколение жили мы. Сыны у нас хозяйничают в отчине своей, а дочери пленяют взор заезжих женихов.

Сват Есүхэй, войди в мой дом. Есть малолетняя дочурка у меня. Взгляни и оцени».

С этими словами Дэй сэцэн проводил Есүхэя в свою юрту.

И взглянул на дитя сват Есүхэй, и пришла по сердцу она ему, ибо ликом светла была она, а в глазах ее сверкал огонь. Девочку звали Бортэ; было ей десять лет, и была она на год старше Тэмүжина¹⁶⁸.

Переночевав у Дэй сэцэна, наутро Есүхэй-батор стал сватать его дочь. И молвил Дэй сэцэн в ответ:

«Заставь упрашивать себя – да уважаем будешь, без долгих уговоров согласишься – униженным пребудешь. Хотя и говорят в народе так, но дочь я все равно тебе отдам. Негоже ей у отчего порога век женский коротать. А сына оставляя у нас. Отныне он наш зять».

На это Есүхэй-батор отвечал: *“Я сына, так и быть, тебе оставляю. Прошу, любезный сват, лишь об одном: собак боится сын мой, Тэмүжин; не допусти, чтоб псы его пугали”.* И отдал Есүхэй-батор свату Дэй сэцэну в подарок заводного коня своего и, оставив сына в зятях¹⁶⁹, отправился восвояси¹⁷⁰.

Сам факт дарения Есүхэй-батором Дэй сэцэну своего заводного коня лишний раз свидетельствовал об их породнении. Что же касается просьбы Есүхэй-батора, то, если учесть злобное отношение хозяйских псов к чужакам, появляющимся в стойбище, просьба Есүхэй-батора по-житейски вполне понятна и, отнюдь, не характеризует негативно будущего Властелина мира.

И все же, как мне думается, не следует понимать его слова в прямом смысле. Есүхэй-батор, памятуя о чреде смертей вождей его улуса, мог предчувствовать свою близкую кончину и те нелегкие испытания, которые вскоре обрушились на его семью и его малолетнего сына, и поэтому его предостережение было не чем иным, как просьбой, выраженной в присущей монголам иносказательной форме, к Дэй сэцэну не оставить их без внимания и поддержки...

¹⁶⁸ Девочку звали Бортэ; было ей десять лет, и была она на год старше Тэмүжина. – Первая из четырех главных жен Чингисхана. У монголов существует поверье, что, если жена на год старше мужа, она станет его вечной, верной спутницей.

¹⁶⁹ Обычай «оставлять сына в зятях» был подмечен древнекитайскими летописцами еще у поколения ухуань-сяньби; согласно этому обычаю «[будущий муж] делается слугой в женином доме на два года...» (Текст воспроизведен по изданию: «Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока». М., Издательство восточной литературы. 1961 – режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Kuner/text15.htm>).

¹⁷⁰ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 61–64. Поэтический перевод Г. Б. Ярославцева.

Приязнь и дружество, которые чувствуются в отношениях сватов, передались и их детям, совсем юным Тэмужину и Бортэ, которые впоследствии пронесли зародившееся тогда чувство через всю жизнь.

Только вот самому Есүхэй-батору было не суждено погулять у них на свадьбе. Гений-хранитель его рода хиад не уберег богатыря от яда ворогов-татар...

«По пути в степи Цэгцэрской наехал Есүхэй-батор на татарский стан и попал на татарский пир¹⁷¹. И сошел с коня утолить жажду на пиру.

И признали татары Есүхэя из хиадского рода, и усадили, и потчевали его на пиру. А сами, отмищения жажды, сговорились тайно и подмешали в еду ему яду. И на пути домой от стана татарского занемог Есүхэй-батор и домой чуть живой воротился через три дня.

«Мне плохо! Есть рядом кто-нибудь?» – вскричал Есүхэй-батор.

«Я подле вас», – ответил Мунлиг, сын старика Чарахи из рода хонхотан¹⁷².

Призвав его к себе, Есүхэй-батор молвил:

«Послушай, Мунлиг! Дети – малолетки у меня. А Тэмүжина, старшего из них, оставил я у свата Дэй сэцэна. Но по пути домой в татарском стане я был отравлен. О, как же худо мне! Так позаботься ты, мой верный Мунлиг, о сиротах моих и о вдове. И сына, Тэмүжина моего, немедленно привези ко мне...»

И, заповедав Мунлигу сие, он опочил»¹⁷³...

Имеющиеся в нашем распоряжении древние источники не оставляют и тени сомнения в том, что вплоть до своей кончины (примерно в 1171 году) Есүхэй-батор «был государем большинства монгольских племен. Его старшие и младшие родичи, т. е. дядя и двоюродные братья, все (были ему) послушны и подвластны и единодушно из своей среды поставили его на царство. Он был причастен к отваге и храбрости. (Есүхэй-батор) много воевал и сражался с другими племенами монголов, и в частности, с племенами татар, точно так же с китайскими (чжурчжэньскими. – А. М.) эмирами и войсками. Молва о нем распространилась в окрестностях, имя его прославилось, и стал он признаваем и почитаем у всех»¹⁷⁴.

И в анналах истории имя Есүхэй-батара осталось не только потому, что он был отцом Чингисхана. В критический момент для улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы) он смог сохранить его единство, оказывал достойное сопротивление главным врагам – татарам и цзиньцам; его дальновидная политика в отношении вождя хэрэйдов Торил-хана (Он-хана, Ван-хана), которого он поддержал в борьбе за престол, обеспечила его сыну, Тэмужину-Чингисхану, поддержку хэрэйдов на первом этапе его борьбы по собиранию и объединению всех монгольских племен.

Таким образом, слава его сына, посмертно распространившаяся и на него, вполне заслуженна. Именно поэтому, как сообщает нам «Юань ши», Хубилай-хан, император Юаньской Монгольской империи, в 1266 году, возвеличивая своего предка по принятым в его державе китайским канонам, постановил именовать Есүхэй-батара посмертным именем Ле-цзу, что в переводе с китайского означает «Прославленный предок», и титуловать его Шэнь-юань хуанди – «Божественным императором-основателем династии».

¹⁷¹ Очевидно, Есүхэй-батор, следуя древнему обычаю уважения гостеприимства, не мог отказаться от приглашения пирующих татар.

¹⁷² По свидетельству Рашид ад-дина, племя хонхотан – одна из трех ветвей (хонхотан, арулад, уряут-хилингуд) племени уряут (уриагуд (?) – А. М.), относящегося к монголам-дарлегинам; однако некоторые исследователи (Д’Оссон, Сайшаал), основываясь на «Сокровенном сказании монголов» (см. «Сокровенное сказание монголов». Донецк, «Сталкер», 2001. С. 21), причисляют племена хонхотан и арулад к нирун-монголам и включают их в состав улуса «Хамаг Монгол».

¹⁷³ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 64.

¹⁷⁴ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 50–51.

Глава четвертая

«Близкие люди – скорпионы...»¹⁷⁵

(1171–1178 гг.)

*«В глазах твоих огонь,
Ты ликом светел
И мудр не по годам.
Вот почему тайчуды
так тебя не любят!»*

*Сорхон шар*¹⁷⁶

Очевидно, что Мунлиг, о котором говорилось выше, неслучайно оказался рядом с Есүхэй-баторм в последние минуты его жизни. Мунлиг и его отец, старик Чарахи, были приближенными Есүхэй-батора, а их племя хонхотан входило в состав улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы). Именно в этой связи следует понимать то, что в своих последних словах Есүхэй-батор завещал Мунлигу: *«Ты позаботься о младших братьях своих, оставляемых мною еще малыми, о старшей невестке своей»¹⁷⁷, которая станет вдовой. Сына моего Тэмүжина поскорее возьми и привези...»¹⁷⁸*

Выполняя волю Есүхэй-батора, *«Мунлиг пришел к Дэй сэцэну и молвил: “Брат старший, Есүхэй”¹⁷⁹, по сыну своему истосковался, и я приехал, чтоб его забрать”.*

И отвечал ему тогда Дэй сэцэн: “Коли скучает сват по сыну, мы Тэмүжина тотчас же домой отправим. Но вскорости ему прибыть обратно надлежит”. Мунлиг выслушал эти слова и повез Тэмүжина в отчину»¹⁸⁰.

«Узнав о кончине Есүхэй-батора, Тэмүжин пал наземь, убиваячись. Старик Чараха из рода хонхотан увещевал его, приговаривая:

*“Зачем ты бьешься так тайменем рыбой? —
Мы сильную дружину собрать могли бы.
Об этом разве мы не говорили?
Об землю рыбой бьешься – вот буйнство!
Единое создать степное ханство
Не раз ли навсегда мы порешили?”*

¹⁷⁵ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 75.

¹⁷⁶ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 71.

¹⁷⁷ Очевидно, Есүхэй-батор имел в виду действия, которые полагалось предпринять сородичам умершего в соответствии с обычаем левирата, со времен хунну существовавшим у древних монголов. Согласно этому обычаю вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь – с его братьями... В представлении некоторых народов (в том числе, и монголов эпохи Чингисхана. – А. М.) левират – одно из средств продолжения рода умершего ближайшими родственниками (комментарий В. С. Таскина; текст воспроизведен по изданию: «Материалы по истории сюнну (по китайским источникам». Вып. 1. М., «Наука», 1968. – режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/1/Syma_Tsjan/Mat_sunnu_1/frameset12.htm).

¹⁷⁸ Лувсанданзан. «Алтан тобч» («Золотое сказание») // «Сокровенное сказание монголов». Донецк, издательство «Сталкер», 2001. С. 29.

¹⁷⁹ Брат старший, Есүхэй... – Монголы, говоря уважительно о мужчине, который старше их по возрасту, называют его «ах» – старший брат. При этом не имеет значение, родственники они или нет.

¹⁸⁰ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 64.

Так увещевал старик Чараха Тэмужина, пока тот не успокоился и не перестал рыдать»¹⁸¹.

Завет отца («сильную дружину собрать... единое создать степное ханство»), который первым напомнил ему старик Чараха, как говорится, запал в душу юного Тэмужина, указал главную, заветную цель жизни: стать преемником отца и продолжить дело объединения всех монгольских племен в единое монгольское государство.

Поддержка верных соратников отца дала Тэмужину силы преодолеть все невзгоды и страдания, которые поджидали его в будущем...

А начались они с того, что те, кто «был заодно и в союзе и друзьями с Есүхэй-баторм» при жизни, в частности, тайчуды, не пожелали признавать более верховенство рода хиад-боржигин после смерти предводителя улуса; произошел раскол среди родов и племен, входивших в состав улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы), и возглавлявшей их знати.

Иначе говоря, тайчуды и другие «многочисленные племена, собравшиеся воедино во время его отца Есүхэй-батора и ставшие послушными ему», после его смерти не только проигнорировали, очевидно, существовавшее (пусть даже устное) завещание Есүхэй-батора возвести на ханский престол его старшего сына, но и, «когда увидели Чингисхана ребенком, отпали от него... Таргудай хирилтуг, сын Адал-хана (и) внук Хабул-хана, и Курил-батор, его двоюродный брат, которые были оба государями и правителями племен тайчуд, вследствие зависти, которую они затаили в себе со времени Есүхэй-батора, вступили на путь непокорности и упорства. Благодаря тому, что тайчуды были главнейшей из ветвей (родственных племен), (дело) постепенно дошло до того, что другие родичи и войска, оказавшие Есүхэй-батору повиновение, отпали от его детей и склонились к тайчудам. Они сплотились вокруг них, благодаря чему у этих племен появилась полная сила и могущество»¹⁸².

Действия тайчудов, последовавшие после смерти Есүхэй-батора, как нельзя точно характеризуют сущность улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы) как протогосударственной формы. Улус – это «не территория с населением, организованная какой-либо формой власти, а люди, собравшиеся вокруг вождя... Улус жил пока были люди, придерживавшиеся определенного руководителя, и улус исчезал, когда люди уходили из него или терялся вождь»¹⁸³.

Вслед за тайчудами ушло большинство не только дальних, но и близких сородичей Есүхэй-батора, которые, по образному выражению Рашид ад-дина, оказались «скорпионами», которые «по причине злобы и ненависти, порожденных и внедренных в (самой) их природе, завидовали (Есүхэй-батору), а так как они не имели достаточной силы и мощи для сопротивления, то до конца его жизни сеяли в сердце (своем) семена мести и вражды»¹⁸⁴.

Даже при таком отношении к предводителю улуса тайчуды и другие соплеменники были вынуждены повиноваться ему; без его, прежде всего, таланта воина, непоколебимой воли и стремления к объединению всех монгольских родов и племен им ни за что бы не удалось сдерживать натиск врагов-татар и цзиньцев. Но после его смерти они не признали наследственное право Огэлун и ее старшего сына Тэмужина стать преемниками его великого дела и просто-напросто бросили их на произвол судьбы.

С тем, что предводительство в улусе и ратные подвиги – это не женское дело, и тем более не под силу неопытному юнцу, – еще можно было согласиться или понять¹⁸⁵. Но их demonstra-

¹⁸¹ Лувсанданзан. «Алтан тобчи» («Золотое сказание») // «Сокровенное сказание монголов». Донецк, издательство «Сталкер», 2001. С. 29. Поэтический перевод Г. Б. Ярославцева.

¹⁸² Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 65, 84.

¹⁸³ Храпачевский Р. П. «Военная держава Чингисхана». М., АСТ, ВЗОИ, 2004. С. 39–40.

¹⁸⁴ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 75.

¹⁸⁵ Стать регентшей при малолетнем сыне (хотя бы до проведения Всемонгольского хуралтая, который бы избрал хана улуса «Хамаг Монгол») Огэлун, очевидно, помешало общее негативное отношение сородичей-тайчудов к ее мужу Есүхэй-батору и их нежелание следовать правилам престолонаследования, действовавшим в улусе «Хамаг Монгол». Древние

тивный исход¹⁸⁶ был постыдным предательством, которое, как свидетельствуют наши источники, ни Огэлун, ни воспитанный ею Тэмужин всем им никогда не простили.

Следует отметить, что не все роды и племена, входившие в улус «Хамаг Монгол» (Все Монголы), последовали за тайчудами. Как считает монгольский ученый Г. Мягмарсамбуу, родовая монгольская знать вместе со своими подданными-сородичами, а также недавние подданные отца Тэмужина, примкнули к предводителю племени жадаран Жамухе сэцэну¹⁸⁷, тем самым в тот момент отдавая ему предпочтение среди прочих возможных претендентов на ханский престол предводителя улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы): «Большинство населения улуса не последовали за тайчудами. Потомственная знать, в частности, Алтан, Хучар, Даридай отчигин¹⁸⁸ во главе своих подданных-сородичей примкнули к Жамухе из племени жадаран.

По мнению монгольского историка Ч. Далая, это свидетельствовало о том, что после кончины Есухэй-батара все коренные монгольские племена, за исключением тайчуудов, хотя и не имели единого предводителя, по-прежнему стремились к объединению, взаимной поддержке и воссозданию улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы).

В результате прихода этих племен под водительство Жамухи улус «Хамаг Монгол» (Все Монголы), в том числе и подданные-сородичи Тэмужина, сына Есухэй-батара, оказался во власти вождя племени жадаран. Таким образом, Жамуху сэцэна, так же как ранее Есухэй-батара, в то время можно было считать некоронованным ханом улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы)¹⁸⁹.

Однако снова вернемся к Мунлигу, душеприказчику Есухэй-батара. Он выполнил завещание Есухэй-батара, привез домой его старшего сына, Тэмужина, и какое-то время вместе со своим отцом, стариком Чараха, пытался сохранить собранный Есухэй-батором улус, но им это сделать не удалось. Старику Чараха эта борьба стоила жизни, а Мунлиг на какое-то время пропал из поля зрения летописцев.

Причина, по которой Мунлиг, возможно, на какое-то время покинул семью Есухэй-батара, скорее всего, была в его взаимоотношениях с Огэлун. Очевидно, Мунлиг согласно предсмертному завещанию Есухэй-батара хотел занять его место не только в семье, но и во главе всего рода. Однако отверженная супруга бывшего предводителя улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы) Огэлун считала, что именно ее старший сын Тэмужин по праву должен стать преемником отца и возглавить хиад-боржигинов.

источники свидетельствуют, что монголам был известен и впоследствии ими применялся порядок регентства (*Рашид ад-дин*. «Сборник летописей», Т. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 115, 128).

¹⁸⁶ Исходу соплеменников предшествовал инцидент на церемонии родового жертвоприношения, когда припозднившейся Огэлун было отказано в ее доле поминальных кушаний, что по правовым обычаям того времени означало потерю своего прежнего социального статуса, превращение в изгоя («Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., Эксмо, 2009. С. 64–65). Подобные меры наказания (в виде ссылки) издревле практиковались в раннефеодальных государствах, существовавших на территории Монголии, начиная с улуса Хунну («Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), Вып. 1. М., «Наука». 1968. – режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/Mat_sunnu_1/frameset12.htm).

¹⁸⁷ Как мы узнаем ниже, Тэмужин и Жамуха детство и юношеские годы провели в близости друг от друга, на реке Онон: вместе играли в незатейливые детские игры, учились езде на лошадях, стрельбе из лука. Именно с того времени идет история их побратимства: «А подружались они давно – тогда Тэмүжину было одиннадцать лет. Подарил тогда Жамуха Тэмүжину альчик (костьяшка, игральная кость. – А. М.), сделанный из лодыжки кошули, а Тэмүжину ему – литой альчик. И играли они вдвоем в кости на льду реки Онон и стали называть друг друга андами-побратимами. А на следующий год весной забавлялись они стрельбой из лука алангира (вид боевого лука у монголов. – А. М.). И подарил тогда Жамуха Тэмүжину свистящую в полете стрелу, склеенную из рогов годовалого теленка с проделанными в них отверстиями, а Тэмүжину одарил его стрелой, вырезанной из можжевельника. Так скрепили они побратимство свое. Вот и весь сказ о побратимстве Тэмүжина и Жамухи» («Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 69–70). «Жамуха раньше Тэмужина стал предводителем своего племени (очевидно, Жамуха был все же старше Тэмужина. – А. М.), получил титул «сэцэн», что означает мудрый, прославился в среде монгольской знати. Именно поэтому большинство родов и племен улуса «Все Монголы» добровольно пришли под его водительство» (Мягмарсамбуу Г. «Ханы улуса «Все Монголы»» (на монг. яз.). У.—Б., 2000. С. 158).

¹⁸⁸ Алтан, Хучар, Даридай отчигин – ближайшие старшие сородичи Тэмужина; Алтан – сын Хутула-хана; Хучар – сын Нэхун тайши, брата Есухэй-батара; Даридай отчигин – брат Есухэй-батара, родной дядя Тэмужина.

¹⁸⁹ Мягмарсамбуу Г. «Ханы улуса «Все Монголы»» (на монг. яз.). У.—Б., 2000. С. 154–158.

Трудно переоценить роль Огэлун на начальном этапе формирования характера и мировоззрения ее старшего сына Тэмужина. «...Она продолжала воспитывать своих сыновей, прививая им *воззрения степной аристократии*, внушая им, что они по праву принадлежат к этому классу и потому должны прилагать все старания, чтобы подняться и выйти из создавшегося тяжелого положения»¹⁹⁰.

Именно тогда, в детстве, мать при случае не уставала повторять Тэмужину его легендарную родословную, основывающуюся на верованиях древних монголов – тэнгрианстве, и главное, то, что он является потомком Бодончара, «сына Небесного Владыки». «Тогда же Тэмужин мог слышать рассказы и о более близких временах, временах тоже славных для его родичей и предков, о Хабул-хане, Амбагай-хане, замученном цзинцами в Китае (в чжурчжэньской империи Цзинь. – А. М.), и о знаменитом богатыре Хутуле-хане. Огэлун была мудрой женщиной и хорошо знала “древние слова”¹⁹¹.

«Огэлун была весьма способной и умной женщиной, она по возможности охраняла и присматривала за ним (за Тэмужином. – А. М.), за домочадцами и имуществом, подчиненными, войском и сторонниками, оставшимися после Есүхэй-батора»¹⁹². Таким образом, отверженной супруге бывшего предводителя улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы), считавшей, что ее старший сын Тэмужин по праву должен стать преемником отца и возглавить род хиад-боржигинов, удалось не только поднять на ноги своих малолетних детей, но и укрепить их дух, веру в неотвратимость возмездия и восстановления их в правах законных наследников престола улуса «Хамаг Монгол» (Все Монголы). Именно об этом писал автор «Сокровенного сказания монголов», не скупясь на восхваления в адрес вдовы Есүхэй-батора, Огэлун:

*«От рожденья премудрая, мать Огэлун
Дэл свой поясом повязала,
По теченью Онона то вверх, то вниз
Все бродила она, кочевала.
Что в степи съедобного было,
Тем детей она и кормила.
Дни в пути, в трудах проводила.
От рожденья упорная мать Огэлун
Шла не знающим устали шагом
С суковатой дубовой палкой в руках
По ложбинам да по оврагам,
Вверх и вниз... Набравшись терпенья,
Все искала, копала коренья.
Было трудно ей, горько было,
Но достойных сынов вскормила.
От рожденья прекрасная мать Огэлун
Берегами речными бродила,
Собирала по осени дикий лучок,
Даже рыбу удою удила.
Не жалела рук, не жалела ног
И сынов державных взрастила.
Был характер тверд, был порядок строг —*

¹⁹⁰ Владимирцов Б. Я. «Чингисхан» // Владимирцов Б. Я. «Работы по истории и этнографии монгольских народов». М., ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 151.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Рашид ад-дин. «Сборник летописей», Т. 1, кн. 2. М., НИЦ «Ладомир», 2002. С. 65.

*Вот что в жизни детей укрепило.
Ясноликая ханша-мать,
Ты сумела детей поднять,
От щедрот питая степных.
Сыновей научила мать
Званье, долг свой осознавать,
Гордость ты заронила в них...
Строгих правил держится мать —
Сыновьям державными стать»¹⁹³.*

Что же касается нашего Героя, то привитые ему с детства традиции его рода, *воззрения степной аристократии* и вера в свою судьбу начали формировать его жизненные принципы.

Прежде всего, *принцип верноподданничества*, согласно которому подданный должен верно служить, подчиняться своему господину, также и вассал должен безропотно следовать за своим сюзереном. Впоследствии этого принципа Чингисхан неукоснительно придерживался сам, следования ему всегда требовал от других; проявления верноподданничества он высоко ценил даже среди врагов, был бесжалостен ко всем, кто этот принцип нарушал.

Другой важнейший жизненный принцип Чингисхана *«отмщением отмстить»* свидетельствовал о принятой нашим Героем на себя обязанности непременно наказать виновных за понесенные им и его родом утраты и за нанесенные ему и его роду оскорбления.

* * *

Следует заметить, что лютая ненависть к предавшим и унижившим их семью соплеменникам сделала юного Тэмужина крайне нетерпимым к любым проявлениям несправедливости в отношении себя и близких ему людей. Кроме того, в те годы (а Тэмужину было тогда лет 12) «проявилась у него уже та черта характера, которая потом развилась вполне, — властность. Не терпел он также, чтобы лишали его чего-нибудь, что он считал принадлежащим ему по праву. Вот эти-то стороны его натуры и толкнули его на братоубийство...»¹⁹⁴

Заурядные, на первый взгляд, раздоры между ним и сводными братьями Бэгтэром и Бэлгудэем, которые отнимали у него и Хасара добычу, поставили Тэмужина перед неминуемым выбором: *“Вчерашний день пичугу подстрелили мы, так Бэгтэр с Бэлгудэем пичугу отобрали. И нынче тоже отняли улов. Коли они такие, как нам вместе жить?!”*

И подкрались Тэмужин и Хасар к Бэггэру, когда тот на пригорке пас девять соловых коней. Узрев, что братья приложили стрелы к тетиве и уж готовы выстрелить в него, он возопил:

“Покамест мы разора у тайчудов ждем, пока отмщением отмстить им не сумели, за что вы, братья, погубить меня решили; ресницею глазной навек падучей, блевотиной, ртом извергающейся вон, зачем меня хотите обратить? Пока у нас нет друга, кроме нашей тени, как нет и плети, кроме конского хвоста, почто меня вы вознамерились убить? Прошу, не разоряйте мой очаг, не погубите брата Бэлгудэя!”

С этими словами Бэгтэр сел, скрестив ноги, и смиренно ждал, что будет. И тогда Тэмужин и Хасар пустили в него свои стрелы, один спереди, другой сзади, и убили его.

¹⁹³ «Сокровенное сказание монголов» // «Чингисиана. Свод свидетельств современников». М., «Эксмо», 2009. С. 66–67. Поэтический перевод Г. Б. Ярославцева.

¹⁹⁴ Владимирцов Б. Я. «Чингисхан» // Владимирцов Б. Я. «Работы по истории и этнографии монгольских народов». М., ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 151.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.